Синтез

Автор:
Сергей Слюсаренко

Синтез

Сергей Сергеевич Слюсаренко

Пограничье #7

Если искренне о чем-то мечтать, то мечта обязательно сбудется. Так сбылась мечта Олега Шергина о контакте с внеземной цивилизацией. В результате цепочки невероятных событий он попадает в Центрум и становится аспирантом одного из самых уважаемых университетов Лореи. Но безоблачные дни продлились недолго – из глубин космоса к Центруму подступает тень смертельной угрозы…

Сергей Слюсаренко

Синтез

© С. Лукьяненко, 2013

© С. Слюсаренко, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Канцлер Нижних Отрогов и Верхних Топей благородный рыцарь Салар к вечеру загнал трех лошадей. Четвертой пробила горло стрела с тяжелым базальтовым наконечником. Варвары, обнаглевшие в Рыжей долине, думали, что вдесятером они одолеют одинокого всадника. Он даже не упал, только пробежал по инерции несколько шагов, оставив на дороге лошадь, хрипящую горячей кровью. Салар брезговал драться с варварами. Сопящие потные дикари, вооруженные дубинами, в грязных шкурах и с нечесаными лохмами под тотемными птичьими черепами на головах, переминались с ноги на ногу, не решаясь напасть. Они боялись рыцаря как огня, робко обступали его полукругом, выжидая мгновения, чтобы навалиться толпой и забить до смерти. Им было плевать на человеческую жизнь, им нужна была драгоценная цепь из унунквадия, тускло мерцавшая на шее Салара. Но рыцарь спешил.

С легким свистом рассекаемого воздуха длинный узкий клинок Салара описал полукруг и остановился у горла вожака.

– Уйдите или умрете, – прошипел канцлер на варварском наречии.

Вожак, думая, что тяжелой дубиной он сможет опередить меч, дернулся и тотчас рухнул на колени, заливая траву кровью из перерубленного горла. Салар завертелся в смертоносном пируэте, кромсая врагов.

Потом, бросив беглый взгляд на жалкие останки, пошел в заросли, где топтались низкорослые кобылки варваров. Неухоженные, с примитивной сбруей, бесполезные в ближнем бою. Но как-то нужно было добраться до ближайших перекладных.

В таверне Салар остановился на несколько минут – перехватить кружку красного, чтобы утолить жажду, и подождать, пока из конюшни выведут свежего взнузданного коня.

– Господин канцлер, – не поднимая головы, в почтительном поклоне обратился корчмарь к Салару. – Конь готов, вам дать с собой провиант?

– Спасибо, мне не до провианта. – Салар стремительно вышел из темной таверны и, вскочив в седло, продолжил свою бешеную скачку.

Совет канцлеров собрался на священной поляне у входа в храм в самом центре Цада. Туда и спешил Салар, надеясь предотвратить неизбежное.

– Господа, все ли готовы исполнить свой долг и клятву, данную вашими предками высшим? – говорил тихим утробным голосом верховный канцлер Таутен, скрывая под глубоким капюшоном свое лицо, обезображенное варварской палицей. – Если кто-то не готов или кто-то предал тайну, пусть он скажет об этом сейчас. Признание прощает.

– Я не предавал тайны, я верен клятве, но у меня есть возражения. – Вперед из круга избранных вышел Салар.

– Выскажи братьям свои возражения, – кивнул верховный канцлер.

– Высшие оставили нам наследие, но оно может разрушить наш мир. Никто не может доказать добрые намерения высших.

– Высшие оставили нам наследие и сделали так, чтобы мы смогли использовать его, только когда будем едины, – это ли не доказательство благородных намерений высших? – бесцветным, без тени эмоций голосом проговорил Таутен. – Они оставили нам ключи к мирам.

– Кто знает, что ждет нас в тех мирах? Новые орды варваров или дикие звери, несущие смерть всему живому на нашей земле? Или болезни и саранча? – не сдавался Салар. – Зачем открывать чужой мир, когда и в нашем есть много земель, которые можно освоить. Кто сказал, что мы объединены, кто сказал, что мы сильны настолько, что можем использовать наследие?

– Милый наш друг Салар, нам приятно твое радение за благополучие нашей родины. Но ты, в силу занятости службой на границе Пустоши, не можешь знать истинного положения дел. Это не упрек тебе, – сказал верховный канцлер и сел на свой каменный трон в центре священного круга. – Спасибо богам, мы знаем истину.

– Разрешите пояснить уважаемому Салару? – поднялся со своего места канцлер-хранитель.

Таутен устало кивнул.

– Кольцо Пустоши сжимается вокруг континуумов. Урожая, который собирают крестьяне с наших феодов, уже недостаточно, чтобы дожить до следующего. Земля обеднела. Варвары истребили все стада, и теперь Пустошь и вправду пуста. Чтобы выжить, нам нужны новые земли. Богатые и свободные. Это нам дали высшие много веков назад. Они нам дали ключи. – Канцлер-хранитель сел на свое место.

– Я верю вам, братья, наш мир летит в пропасть. Но поможет ли нам наследие? – Салар все еще надеялся посеять сомнение. – Никогда еще то, что дается без труда, не приносило пользы людям. Надо бороться за свой мир, а не ждать благ от другого.

– Дорогой Салар, вспомни писание. – Верховный канцлер взял лежащий рядом с ним том и раскрыл святое писание Эна.

«В день, когда зарыдает сушь, в день, когда с земель уйдут звери, и в ночь, когда люди не сомкнут глаз, звезды в небе сойдутся в танце. Звезда Цэх упадет в леса, и звезда Инос возгорится в ночи. А потом придет звезда Тьма.

И сделай ковчег из дерева тим; длина его два тура с половиною, ширина его полтора тура и высота его полтора. Покрой его чистым ununквадием внутри и снаружи и сделай вокруг него кольцо из ununквадия. Возьми для него четыре кольца ununквадиевых, на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его и два кольца на другой стороне его.

И сделай шесты из дерева тим, и обложи их ununквадием, и вложи шесты в кольца, по сторонам ковчега. И сделай крышку из ununквадия: длина ее два тура с половиною, а ширина полтора тура.

И сделай две рафы многоострые чеканной работы, сделай их на обоих концах крышки, одну рафу с одного конца, а другую рафу с другого конца, стоящими на крышке; сделай рафы с обоих концов ее; и будут рафы с распростертыми вверх остриями и покроют остриями своими крышку.

И сделай двенадцать столов из дерева тим длиною в два тура, шириною в тур и вышиною в полтора тура, и обложи его ununквадием, и положи на столы ключи в

своих фузах из унунквадия.

И возьми стержни медные и соедини с кольцами и на каждую фузу надень спираль из меди и соедини ее с медными стержнями. Дай водному газу войти в фузы и жди огня ковчегового. И да уйдет писание в открывшиеся миры».

– Так написано в святом писании Эна, великого из высших, – закончил верховный канцлер. – И не говори, что ты не помнишь. Посмотри на небо и не лги самому себе. Звезды Тьма и Инос в небе, вчера упала звезда Цэх. Это видели и в Пустошах, и в Клондале, и как нам в Цаде не видеть этого? Мы сделали ковчег, и для завершения святого действа нам нужны святыни, которые хранишь ты. Не противься очевидному.

Салар покорно склонил голову, снял с шеи цепь и достал из переметной сумы тускло отсвечивающую в огне факелов сферу.

– Я готов, великий канцлер. Я верю в твои слова, хотя знания отвергают меня. Но я выполняю долг.

– Я не вижу повода не начать церемонию. – Голос верховного канцлера окреп. – Следуйте за мной!

Таутен поднялся и, тяжело опираясь на высокий посох, двинулся к храму, у входа в который заседал совет.

Внутри под громадным сводом все было готово. Канцлеры один за другим положили свои фузы, каждый на свой стол, и разделили их. Верховный канцлер вложил в фузы зеленые камни ключей и лично соединил половинки. Служки храма к каждой фузе присоединили трубки, которые тянулись от стального резервуара. Явственно раздалось шипение водного газа. На фузы надели спирали из толстой позеленевшей меди и соединили спирали со стержнями на ковчеге.

Таутен, приняв из рук служек рафы, похожие на ажурные половинки сферы, установил их по краям ковчега. Потом на крышку ковчега он положил святое писание и отошел к своим собратьям-канцлерам.

Казалось, ничто, кроме дыхания людей, не нарушало спокойствия в храме. Но вот фузы начали дрожать и засветились. Сначала красным, потом белым и в конце голубым свечением. Яркость достигла такой силы, что весь храм растворился в безумном голубом свете. Чудовищный, невиданный взрыв разорвал и капище, и небо над ним. От того места, где только что стоял величественный храм всеравных богов, в небо устремилось одиннадцать сверкающих лучей. Они сначала танцевали в безумной пляске, а потом разлетелись над землей в разные стороны. Словно в последней судороге над миром вырос красный шар и опустился на разрушенный Цад.

Прошло три тысячи лет.

Глава первая

Аспирант с Земли

Узкая тропинка, припорошенная снегом, вилась меж замшелых глыб вниз, в долину. Поднявшийся из долины туман укрыл темные стены Депозитария, устроившегося на вершине горы, скрыл кривые улицы, превратив их в таинственные и призрачные лабиринты. А потом сверху налетел южный ветер и всю ночь норовил раскидать черепицу над профессорской кельей. Звонкая клондальская терракота печально перестукивалась под ударами шквалов. С вечера Лано Батрид, профессор прикладной истории Лорейского университета и хранитель Депозитария, развел огонь в очаге и, когда прогорели дрова, набрал углей в большую медную сковородку-кальдано с дырчатой крышкой. Он согрел свою постель, хоть и не любил теплых простыней, а потом отнес и положил грелку под одеяло пустой узкой койки в небольшой комнатке, примыкающей к гостиной. На всякий случай. Когда пришел служка со скромным университетским ужином, Батрид подробно проинструктировал его о завтраке и даже предупредил, что сам готов заплатить за дополнительные блюда. Сон не приходил, Батрид долго ворочался, пытаясь отогнать ненужные мысли, но в конце концов уснул.

Пастухам, перегоняющим по утрам отары в долину, строго-настрого запрещалось проходить мимо Депозитария. Блеяние животных, вопли перегонщиков и лай собак в такой ранний час мешали нормальному распорядку

дня научных сотрудников. Но сегодня Батрида разбудили не крики пьянчужки Чиммарозо, плюющего на правила, и не шарканье овечьих копытистых лап по брусчатке. К тому времени, как отара топталась на городском газоне, разгребая его до корней, профессор уже давно не спал и лежал в постели с отрытыми глазами. Наконец он поднялся, внешне храня спокойствие и, не изменяя традиции, сам сварил себе крепкий кофе задолго до того, как принесли завтрак. А потом еще два раза подмел пол. Сегодня приедет его первый аспирант. Так было написано в письме, которое пришло вчера. В нем говорилось, что по согласованию с Ректоратом профессору Батриду предлагается осуществить научное руководство исследованиями молодого ученого из мира Земли. Лано даже не стал вдаваться в подробности – от кого письмо и кто его направил. Академические традиции не допускают сомнений в официальных документах. Аспирант – дело почетное и важное. В возрасте Батрида, при его чинах и регалиях, надо было иметь уже десятки учеников, славу педагога и глубокие связи во всех континуумах. Но у Лано этот аспирант был первым. И потому это его волновало и радовало одновременно.

Утром к нему должен прибыть молодой человек, который, как сказано в документе, «имеет целью продолжить научные исследования по теме «Корреляция товарных потоков и политических течений в многообразии внешних связей Центрума». Еще больше профессора волновал не сам факт, что наконец у него появится аспирант, а то, что это будет человек из иной реальности, гость из другого мира. До сих пор за много лет службы Лано встречался с переходящими только в официальной обстановке, а проще говоря, на допросе, когда суровые лорейские инспекторы выясняли, зачем и с какой целью контрабандист доставил данный предмет в Центрум. Теперь у Батрида будет ученик, ученик с Земли. И еще профессор надеялся, что впервые ему будет с кем поговорить вечером, устроившись возле очага с бокалом синего аламейского.

Пришел служка, туповатый, вечно шмыгающий носом мальчик из приуниверситетской деревни, принес роскошный завтрак на двоих. Рогалики с кремом, свежий домашний творог, к нему конфитюр, ароматные десертные семечки. Все это Батрид лично расставил на столе и накрыл чистой льняной салфеткой с вышивкой работы цадских монахинь. Но аспиранта не было. К завтраку Лано не притронулся и, подождав еще полчаса, накинул теплую меховую куртку и вышел из кельи. Кельи университетских сотрудников располагались с внутренней стороны городской стены. Она осталась с тех времен, когда Лорея еще не была континуумом и беспрерывно воевала с ордами кочевников, налетавших из Пустоши. Сейчас стена за ненадобностью из

фортификационного сооружения превратилась в архитектурную достопримечательность. Старые лестницы вели к зубчатым бойницам, но проход вдоль бойниц уже давно стал местом для прогулок.

Лано просто так, для моциона, поднялся по выщербленным ступенькам и осмотрелся. Низко летящие облака, казалось, еще немножко – и начнут хлестать ледяным туманом в лицо, тупые овцы Чиммарозо ковыряли муниципальную травку под крепостной стеной. Над сонным городком тянулся запах печного дыма и теплого хлеба. Профессор старался не смотреть на дорогу, ведущую из долины, но все-таки время от времени бросал на пустынный тракт мимолетный взгляд. Конечно, аспирант мог приехать верхом на коне, если на Земле владели искусством верховой езды, но было бы очень здорово, если бы он приехал на транспортном средстве, о котором так много слышал Батрид. На моторино. Лано знал, что на Земле есть компактные и дешевые повозки с двигателями внутреннего сгорания. И первое время, пока не разрушится запас горючего, можно было бы изучить, как они работают. А возможно, и решить проблему его хранения. Эти и другие совершенно неуместные мысли роились в голове профессора. Он устал ждать.

– Господин смотритель! – раздался голос внешнего стража. – К вам пришли.

– Кто пришел?

– Не знаю… вас ищет… – Свободный от вахты заспанный стражник без ритуального меча выглядел совсем не воинственно.

– А где он? Что же вы меня сразу не позвали?

– Да вот, зову, – буркнул сонный охранник. – У вашей кельи. Одет не по-нашему.

Лано помянул неакадемическое слово и, цепляя за щербатые камни теплыми шлепанцами, поспешил к своему жилищу.

Возле входа в келью стоял высокий молодой человек. У его ног лежал простой вещмешок, который показался Батриду не соответствующим статусу научного сотрудника. Гость был одет в короткую светлую куртку, под которой виднелся толстый свитер с высоким воротником. Из-под синих, потертых на коленях брюк торчали носки странных пестрых туфель. Совсем непривычный для здешних

мест щегольской наряд.

– Здравствуйте, молодой человек, вы ко мне? – с деланым равнодушием спросил Батрид, теребя декоративный шнурок на своей куртке.

– Я Олег Шергин, планета Земля. – Молодой человек закашлялся – то ли от холодного горного воздуха, то ли от волнения. – Я приехал к вам, профессор. Вас должны были предупредить.

– А! Точно, как я мог забыть! – Лано театрально хлопнул себя ладонью по лбу. – Ну что же, давайте зайдем ко мне, раз уж вы приехали. Вы опоздали.

– Мне не указывалось… кхэ-кхэ… точное время прибытия, – осторожно возразил Шергин.

– Могли бы сами поинтересоваться, когда вас будут ждать. Привыкайте сразу к собранности, в научной работе без нее нельзя.

Профессор, царапнув ключом вокруг замочной скважины, отпер дверь и пропустил Шергина вперед.

– Видимо, на Земле живет очень здоровая раса, – Лано жестом предложил оставить вещмешок в прихожей, – если у вас молодые аспиранты такого роста и с такими плечами. Комплименты вашему миру.

– Да что вы, – сквозь бронзу загара на лице Олега проступил румянец, – просто я в молодости спортом увлекался, баскетболом.

– Молодой человек, увлечение баскетболом не приводит к увлечению наукой! Тем более я не в курсе, что это за вид спорта. Все зависит от здорового образа жизни, – назидательно сообщил Лано.

Батрид повесил свою теплую куртку на крючок и накинул на себя темно-коричневый балахон из грубой шерсти, подпоясавшись пестрым шелковым шнурком. Из прихожей он провел Шергина в гостиную. Гостиная была одновременно столовой с небольшим кухонным уголком и очагом.

– У вас практически нет акцента, это не характерно для переходящих, – внезапно сменил тему профессор. – Как вам это удается?

– Я готовился к аспирантуре и учил язык еще дома.

– Похвально, похвально. Никогда бы не подумал, что на Земле уже есть учебники лорейского.

– Нет, я случайно книгу нашел, – неожиданно стал оправдываться аспирант.

Он вышел в прихожую и через мгновение вернулся с толстой книгой в руках.

– Вот, я случайно эту книгу там, у нас, купи… э… нашел. – Шергин протянул том Батриду. – По ней и учился.

– Юбилейное издание по случаю годовщины основания университета Лореи, – прищурившись, прочел Батрид название на обложке. – Уникальное издание, никогда такого не видел.

– Да, очень интересная, масса иллюстраций. В общем-то благодаря этой книге родилась идея поступить к вам в аспирантуру.

– Да что же вы стоите, давайте завтракать! Рогалики еще теплые, а кофе я приготовлю быстро, – спохватился Батрид и легким движением сорвал салфетку, скрывавшую сервированный завтрак. – Вы пока можете вымыть руки.

Он показал на умывальник в кухонном углу.

– Ну, рассказывайте. – Лано стал колдовать над кофе. – Как добрались?

– Да без особых приключений, но, конечно, к вам подняться на гору было нелегко. Ноги просто гудят, – ответил Шергин.

– Вы пешком? – Профессор удивленно глянул на своего аспиранта.

– Ну, вы же сами заметили, что у меня спортивная подготовка. Пройти всю дорогу пешком в ваш храм науки…

– Вы излишне патетичны, – сдержанно улыбнулся Батрид и круговыми движениями погрузил джезву в горячий песок в очаге.

Шергин, наблюдая за священнодействием, широким жестом откинул прядь волос, все время сползавшую на лоб.

– Ну что вы, профессор! Я просто люблю ходить пешком. У меня была уйма времени, вот я… И время перехода пришлось выбирать не мне.

– Так взяли бы коня, в любой таверне в долине можно взять лошадь до Депозитария. – Лано хитро глянул на Олега. – Или вы не обучены верховой езде? А, понял! Эта странная обувь у вас специально предназначена только для ходьбы?

– Обувь да… На Земле это называется krossovki. Очень удобная. Не могу сказать, что я жокей, но с коня не упаду. Просто я не умею ездить на лошади с такими странными копытами. Не привык, господин профессор. – Олег не выдержал и протянул руку к пахнущему ванилью рогалику.

– Угощайтесь, угощайтесь, – поддержал его Батрид. – И что я хочу сказать… У нас есть старая академическая традиция. Мы называем друг друга по именам. Так что, если вы позволите, я буду называть вас Олег, а вы меня Лано. Договорились?

– Согласен, хотя и непривычно. У нас используют имя-отчество. – Шергин стряхнул пряную красную пудру с рогалика в тарелку, чтобы не испачкать свой длинный, с легкой горбинкой нос.

– Вот, Олег, это лучший кофе из Аламеи! – сказал профессор, наливая ароматный напиток в толстостенную чашку из черного фарфора.

– Спасибо, Лано. – Олег с трудом назвал своего руководителя по имени. – А сахара у вас не найдется?

– Извините, у нас сахар не употребляют, хотя его и доставляют иногда из вашего мира. Хотите сосновый сироп? Очень вкусный!

Батрид заметил на лице аспиранта легкое недоумение и добавил:

– Я могу предположить, что ваши сосны не дают такого сладкого сиропа, как наши.

– Они дают, э… деготь… У нас сосны дают смолу и ее производные. – Олег сделал глоток кофе без сахара. – Прекрасный кофе! И сахара не надо!

– Это правильный вывод, – кивнул Лано. – Кофе – напиток небес. Кстати, что вы думаете по поводу того, чтобы первое время пожить у меня в келье? У нас не принято выделять университетское жилье аспирантам, они, как правило, местные. Так что вам придется искать себе квартиру самому, а это требует времени.

– Нет, конечно, как я могу нарушать традиции, – ответил Олег. – А где я могу разобрать свои вещи?

Профессор подошел к левой из трех дверей в гостиной и распахнул ее:

– Это ваша каморка. Скромно, но все же лучше, чем искать сейчас жилье. Вот этот шкаф полностью ваш. – Батрид указал на потемневший шифоньер из массивного дерева, стоявший напротив маленького окна. – Располо?житесь позже, я думаю.

Олег забрал свой вещмешок из прихожей и перенес в комнату, мельком глянув на узкую кровать, покрытую лоскутным одеялом, и скромный письменный стол.

– Давайте теперь поговорим о вашей научной работе, – предложил Лано, когда аспирант вернулся.

Шергин сидел, возможно, даже по умыслу профессора, так, что свет из окна падал ему на лицо, а сам Батрид оставался в тени. Недельная щетина на щеках его ученика отливала красным в косых солнечных лучах. Олег заметил, что взгляд профессора задержался на его лице.

– У нас, в Москве, ну, на Земле, сейчас так все ходят, но если вам не нравится, я могу побриться, – сказал Шергин.

– Да мне совершенно все равно. Но вот… – замялся Батрид, – я вас должен послезавтра представить Ректорату, а там такие уроды.

Аспирант чуть не поперхнулся от такого неканонического высказывания.

– Конечно. – Олег машинально ощупал щетину. – У вас бритва найдется? Классическая. У меня только триммер.

– О, я уже второй раз от вас слышу слова, значения которых я не знаю. – Глаза профессора сверкнули, а кончик веревочного пояса завертелся в его быстрых пальцах. – Кроссовки и триммер. Мне очень интересна их этимология.

– Ну… – Вопрос сбил аспиранта с толку. – Кроссовки – это обувь для того чтобы бегать и ходить на большие расстояния. Сделанная с учетом анатомии. А триммер… Попросту – это бритва, которая бреет, оставляя на лице два миллиметра щетины. Или один. Зависит от желания.

– Господи, до чего может дойти человек в своей… в своем совершенстве. У нас пока все проще. Секунду. – Батрид поставил чашку с недопитым кофе на блюдце, встал из-за стола и, подойдя к навесному шкафчику над умывальником, достал оттуда сафьяновый футляр. – Вот, возьмите. Им никогда не пользовались. Это вам. А то у вас там уже не два миллиметра, а все пять.

– Спасибо. – Олег принял подарок и немедленно расстегнул застежку. Внутри были опасная бритва, помазок, тюбик мыла и камень, останавливающий кровь при порезах. Рукоять бритвы, судя по всему, была из золота.

– Это очень дорогой подарок, – смутился Шергин.

– Не беспокойтесь, – сказал Лано. – Мне прибор не нужен, а вам пригодится. Я привык к своей старой бритве и ни на что ее не променяю. Да ладно, что мы все не о том. Расскажите о вашей научной работе, которую вы хотите продолжить здесь.

– Ну… Мне трудно самому рассказывать о моей научной работе, – протянул Олег. – Я начал изучать историю Средних веков, а потом… В общем, ко мне обратились с предложением изучить альтернативную историю Земли.

– Кто обратился? Меня очень удивило, что между нашими мирами есть мало-мальски официальные отношения. Я всю жизнь был уверен, что все переходящие – это… э… частные лица, скажем так.

– Да нет, что вы, – ответил Олег. – Уже есть структуры, ну, у нас по крайней мере, которые установили и продолжают устанавливать регулярные связи с Центрумом.

– Я не слышал…

– Это совершенно секретные организации. И потому для меня такая перспектива оказалась очень неожиданной. Я и не думал о том, что… ну, вы понимаете. Представьте, вы живете в обычном мире, ходите в школу, мечтаете стать, ну, к примеру, менеджером…

– Кем стать?

– Э-э… – замялся Олег, – это человек, который управляет чем-нибудь. Ну, вроде руководителя невысокого уровня.

– Как можно о таком мечтать? – Батрид даже выпустил свой шнурок от удивления.

– Это для примера, – неуверенно сказал Шергин. – Хотя среди нашей молодежи такие планы на жизнь весьма популярны.

– Я надеюсь, вы не с этой целью сюда прибыли? – Профессор брезгливо поджал губы. – Если так, то у нас нет таких традиций. У нас принято работать.

– Что вы, Лано, – Олегу впервые удалось назвать своего научного руководителя по имени без паузы, – у меня никогда не было такой мечты или даже намерения. Я всегда любил историю и серьезно ею занимался. Так вот. Мне рассказали о реальности мироздания, о Центруме и предложили заняться серьезной работой.

– У нас вся работа серьезная. – Лано сложил ладони и потер ими, словно пытался согреть руки. – Я читал название темы вашего научного исследования. Но, как всегда, по названию судить сложно. Там же просто общие слова. «Корреляция товарных потоков и политических течений в многообразии внешних связей Центрума».

– Если честно, – признался Олег, – эту чушь я сам придумал. На самом деле у нас там, на Земле, принято научные работы называть обтекаемо. Во-первых, если результат окажется совсем иным, чем предполагалось, то в рамках общего названия никто ничего не заметит. Во-вторых, мое непосредственное руководство опасалось своего высшего руководства. Они бы не поверили. А вот вы, надеюсь, поверите. Вам из Центрума должно быть виднее.

– Так расскажите мне свою идею, а не абстрактный тезис, мне очень интересно. – Батрид подвинул поближе к аспиранту блюдечко с творогом и откинулся на спинку стула, приготовившись слушать.

– Ну… – Олег помолчал и начал не очень уверенно: – У нас там, на Земле, уже долгое время существует гипотеза, что когда-то давно у землян был контакт с внеземными цивилизациями. Ему даже название придумали – «палеоконтакт». А тут выясняется, что этот контакт намного более реален, чем предполагалось. Мне показалось интересным проверить, не могли ли предметы, путешествуя между мирами, естественно, через Центрум, влиять на другие миры радикальным образом. Вот, например… Я так, сугубо для примера, хочу сказать. Вот, допустим, автомат Калашникова.

Олег в волнении встал и прошелся по келье, зачем-то выглянув в окно.

– Вот представьте, автомат Калашникова попадает в мир первобытных людей… – увлеченно продолжил он.

– Центрум не связан с мирами первобытных людей. По крайней мере такого пока не наблюдалось. А что касается этого вашего автомата, тот тут я скорее предложу вариант, что он попал на Землю из Центрума. Я понимаю вашу мысль, Олег. – Профессор улыбался. – Сразу скажу, ваша идея не совсем нова, но желание провести ее систематическое исследование похвально.

Шергин, смутившись, вернулся на свое место.

– Но это ведь интересно, да? – с надеждой спросил он. – Вам интересно?

– Несомненно, интересно! И мы будем работать вместе, насколько мне позволит моя служба. Вот вам моя рука!

Олег протянул руку в ответ.

Тут Батрид увидел на запястье у молодого человека татуировку – перечеркнутая окружность.

– Интересный маркер, – заметил он. – Почти пограничник?

– Это мне поставили сегодня по прибытии. Не случайный и не пограничник. Так мне объяснили.

– Опять восхищаюсь вашим здоровьем, как у вас быстро все заживает, никакого воспаления. Так вы здесь в первый раз? – продолжил расспрашивать Батрид. – Язык учили только у себя на Земле? Похвальное прилежание! Если вы так же серьезно отнесетесь к научной работе, успех вам обеспечен.

Возникла пауза, аспирант оттянул рукав рубашки, скрывая метку, и стал щипать половинку рогалика, оставшуюся на тарелке.

– Угощайтесь, угощайтесь! Десертные семечки я заказал специально к вашему приезду, – прервал паузу Лано.

Он уже забыл, что полчаса назад делал вид, что никого не ждал.

– Спасибо! – Олег осторожно взял с блюдца одну из семечек и, раскусив, стал прислушиваться к своим ощущениям. – Очень вкусно.

– Да, и главное – полезно. Помогают общему здоровью организма. Как вы отнесетесь к тому, что мы после завтрака сходим познакомиться с вашим рабочим местом? Или, может, вы устали с дороги?

Профессор проверял рвение своего ученика.

– Нет, что вы, Лано, я не устал, только… – Шергин замялся. – Я бы переоделся, и, может, можно душ принять?

– А, да, конечно! Извините! Это я, старый дурак, забыл вам предложить. Вы же не будете ходить по Депозитарию в спортивной обуви! Идемте!

Правая дверь в гостиной вела в небольшую ванную комнату с туалетом.

– Вот, можете воспользоваться. Ах, да! Вы же еще не разложили свои вещи. Не торопитесь, чувствуйте себя действительно как дома, я пока посижу, еще выпью кофе.

Хозяин кельи нарочно сел за стол лицом к окну, чтобы не смущать гостя.

Шергин быстро достал из вещмешка чистую одежду, полотенце, шампунь и направился в ванную.

– Олег, вы забыли, – остановил его Батрид, протягивая бритвенный набор.

Через пятнадцать минут аспирант, гладко выбритый, приободренный после ледяного душа, сообщил, что готов.

– А без щетины вы выглядите серьезнее, – заметил Лано. – Одно могу сказать, у вас на Земле очень яркое солнце! Такой сильный загар под бывшей бородой…

Глава вторая

Хранилище

Олег оделся официально. Строгий костюм, белая рубашка и одноцветный галстук. Наряд подчеркивал его спортивную фигуру и придавал особо торжественный вид. Батрид накинул на голову глубокий капюшон своего балахона, скорее клерикального, чем академического, подпоясался неизменным шнурком и с досадой в голосе пробормотал:

– Вам придется, видимо, купить здесь одежду, более подобающую нашему климату, но на первый раз сойдет. Хотя возьмите плащ, на улице в это время сыро, и если облако сядет на гору, станет просто мокро.

Он подошел к вешалке у входной двери и, перебрав одежду, висевшую на гвоздях, протянул Олегу черный балахон.

– Вот, почти новый.

Шергин не стал возражать, поблагодарил и надел плащ так, чтобы полностью скрыть свой неуместно элегантный костюм.

– А обувь потом подберем, сегодня уж не обессудьте, – продолжил профессор, глянув на туфли на тонкой подошве, на которые Олег сменил кроссовки.

На улице светило скромное солнце, небо здесь, на высоте, было темным, намного темнее земного. Узенькая улочка, по ней, казалось, не разминуться трем пешеходам, вилась между зданий Депозитария. Видимо, в это время жители или были на службе, или занимались какими-то другими делами, но дома были заперты, окна закрыты ставнями. Городок выглядел мрачным и пустым. Лано, словно уловив мысли своего аспиранта, сказал:

– Сейчас сезон такой унылый – весна. Летом вы увидите, как тут оживленно и весело. А еще раз в месяц у нас здесь рынок. С правом свободной продажи легальных антикварных экспортных товаров. Вот это настоящий праздник для всей Лореи. К нам даже из Краймара чудаки приезжают мошной потрясти.

– Для меня главное работа, – сказал неправду Олег.

– Да, начинать исследования всегда непросто, – кивнул Батрид. – Первое время приходится делать массу работы, далекой от основной цели исследований. И в этом я как ваш научный руководитель должен вам особенно помогать.

Профессор шел, придерживая левой рукой полы своего плаща, стараясь не испачкать его о мокрую брусчатку. Через несколько поворотов, когда Шергину показалось, что он уже не найдет обратной дороги, взгляду открылась маленькая площадь, в торце которой находилось низкое здание с воротами во

всю его высоту. У ворот стояли четыре упитанных стражника в полной боевой выкладке с мечами наголо.

– Ого, какие головорезы! – восхитился Олег. – Это и есть вход в хранилище Депозитария?

– Вы правы, только это не головорезы, это мирные охранники из ритуальной группы. Скорее актеры. Их задача – выполнение ритуалов. Настоящая охрана внутри.

Словно в подтверждение профессорских слов охранники взяли во фрунт и, грозно взмахнув мечами, отступили на шаг по обе стороны от ворот.

В одной из створок скрипнула небольшая дверца, скрывавшаяся до сих пор в изящной резьбе, и профессор первым шагнул в сумрак. Уже переступив порог, он оглянулся, приглашая за собой ученика. Сразу за воротами оказалась проходная, оборудованная по всем правилам. За решеткой из толстых железных прутьев стояли пятеро настоящих, не опереточных, охранников с огнестрельным оружием. Тут Олег мысленно усмехнулся, узнав автоматы Калашникова. Вахта пропустила без всяких слов Батрида, но с Шергиным поступили строже. Он не смог предъявить местных документов, и Батриду пришлось заполнять какие-то разлинованные страницы в журнале посещений, вписывать данные в графу «Цель прибытия» и даже оставить в залог свой собственный пропуск в хранилище. В итоге, удовлетворившись, стражники открыли проход и Шергину. После первой решетки последовала вторая, которая запиралась с помощью сложной системы рычагов. Затем путь преградила тяжелая дверь, ее Батрид открывал сначала личным ключом, а потом еще набрал сложную комбинацию в системе концентрических колец. Наконец последняя дверь распахнулась, и взгляду предстала тускло освещенная галерея.

Профессор остановился и обернулся к Олегу:

– Идите первым, вы должны туда войти один.

– Это ритуал?

– Нет, просто мне так хочется.

Шергин неспешно двинулся по короткой галерее. Его шаги гулко отдавались в сводах, казалось, что идут несколько человек. Галерея оканчивалась широким круглым балконом с мраморной балюстрадой. Сначала Олег посмотрел наверх, на гигантский ажурный купол, через который пробивались лучи света. Изящный металлический каркас казался невесомым, словно рисунок на стеклянной полусфере. А потом Шергин подошел к балюстраде и осторожно глянул за перила. Первое мгновение он даже не понял, что увидел. То, что вначале выглядело балконом, оказалось консольной галереей, которая спиралью спускалась вниз. Теряясь в сумраке, ее витки уходили в бездну. Гигантская спираль тянулась на многие сотни метров, с каждым витком все глубже и глубже. Олег растерянно оглянулся.

– Я знал, что когда-нибудь это увижу своими глазами… – тихо произнес он.

– Вот, это ваше рабочее место на ближайшие два года, – довольный произведенным эффектом, сказал Батрид. – Не пугайтесь масштабам, вы скоро привыкнете, и хранилище станет для вас вторым домом.

– Но ведь… – начал Олег.

– Да, мой молодой друг, это и есть сердце Депозитария, собственно Депозитарий. Величайшее в мирах хранилище! – с нескрываемой гордостью, даже слегка патетично произнес профессор. – Здесь на этих бесконечных стеллажах хранится практически каждый предмет, попавший в Центрум извне.

– Но ведь чтобы добраться до него… – Шергин замялся, – нужно пройти много километров. И как можно вообще здесь что-то найти?

Он осмотрел несколько первых витков спиральной галереи. Вдоль глухой стены тянулись плотно закрытые шкафы.

– Вы задаете правильные вопросы. Вот давайте обратимся к каталогу. – Судя по интонациям, профессор начал свой первый урок. – Смотрите.

Батрид подошел к шкафам, отпустил неизменный поясной шнурок и за изящную бронзовую ручку вытащил один из многочисленных ящиков. Внутри были ряды бумажных карточек. В самой передней части ящика стояла на ребре пухлая книжица.

– Итак, вы уже поняли, это систематизатор. В тетради описание предметов, карточки к которым лежат вот в этой кассете.

Книжечка в твердой обложке, оклеенной сатином, как земной молескин, завязывалась на торце красной шелковой бечевкой. Профессор развязал ее и раскрыл книгу. Внутри на пожелтевших по краям страницах аккуратными столбиками были выписаны цифры и пояснения к этим цифрам.

– Вот, к примеру, написано: 373 – это год, потом «Тация», это откуда предмет прибыл, потом пустая графа, куда предмет убыл, то есть он так и остался в Центруме, а последняя – код предмета.

– А что же это за предмет? По коду неясно, – спросил Олег, заглядывая через плечо Лано и пытаясь прочесть в книжке записи от руки, сделанные мелким и неразборчивым почерком.

– Для расшифровки необходимо посетить академическую библиотеку в Ректорате, столице Лореи. Так принято испокон веков, – словно на лекции объяснил Батрид и добавил как бы между прочим: – Но иногда можно просто спросить у меня. Я многое помню.

– Как можно все это запомнить? – изумился Шергин.

– Не все, но многое. И именно потому, что я так много помню, я сорок лет работаю главным хранителем, – гордо ответил Лано.

– Сколько же лет этому хранилищу?

– На самом деле конкретно этому не более пятисот лет, но вы сами понимаете, строительство время от времени возобновляется по мере пополнения коллекции.

– Углубляете галерею?

– А что делать? Поток того, что создается во всех мирах, неиссякаем. Но вы спросите у меня, где же сама коллекция и как к ней добраться? – У Олега сложилось впечатление, что Батрид всю жизнь мечтал читать лекции и теперь реализует давнюю мечту, настолько его речь была драматически размеренна. –

Для этого нам придется пройти в другое помещение. Машинный зал!

– Машинный зал? Зачем он здесь?

– Сейчас увидите! Только сначала…

Профессор еще раз посмотрел на номер в книжечке и, перебрав череду карточек в ящике, выбрал одну.

– Пойдемте. – Он отдал карточку Олегу. – Вот, посмотрите на нее, это самый главный документ.

Батрид пошел по спиральной галерее направо. Через пол-оборота она утыкалась в стену. Точнее будет сказать, что спиральная галерея отсюда и начиналась. Опять дверь и сложная система запоров. И опять театральное приглашение войти внутрь. И тут Шергин поразился не меньше, чем при виде галереи. За дверью оказался просторный машинный зал, такой Олег видел только на старинных фото теплоцентралей. Посреди мощенного красным кирпичом помещения возвышался громадный полукруглый чугунный корпус, к нему и от него шли трубы и валы. Полуцилиндр литого корпуса крепился к станине чередой гаек величиной с суповую тарелку, накрученных на чудовищные шпильки. Чуть в стороне блестел темной литой медью пульт управления, в слабом сумраке отблескивающий хрустальными стеклами циферблатов и хромированными манипуляторами. Над громадами машины нависал массивный потолок, держащийся на широких двутаврах, скрепленных крупными заклепками. Дневной свет, проходящий в технологические окна под самым потолком, освещал помещение ровно, практически без теней. Воздух наполнял запах металла, который смешивался с острым тоном горящего угля.

– Инженерный гений Лореи и искусство литейщиков Гранца создали этот поистине совершенный механизм! Нам нет теперь нужды бегать по хранилищу километры и километры, чтобы проверить предмет или складировать новый. Эта система приводится в движение мощнейшим паровым двигателем… Не улыбайтесь так, топка находится снаружи. Сюда, в помещение машинного зала, ни дым, ни копоть не попадают. Практически не попадают. Заметьте, сейчас топка главного котла работает на полную мощь. Так вот, сложнейшие механизмы управляются хитроумными автоматами с помощью вот этой маленькой карточки. – Батрид достал каталожную карточку и протянул ее

Олегу. Это была плотная картонка с дырочками, как у перфокарты, и цифрами на свободном поле. – Я могу доставить сюда предмет из каталога, не двигаясь с места!

– Я потрясен масштабами сооружения, – в тон профессору восторженно ответил Олег. – Но ведь сложно держать под парами такой агрегат.

– Это не просто сложно, это чудовищно сложно. Надо учить служек-кочегаров, заготавливать дрова или уголь, в зависимости от сезона… Инженер и три техника, тоже из академических сотрудников, ежедневно осматривают машину, следят за ее состоянием. А день работы с предметами – один в месяц! Раз в месяц можно получить до трех предметов и столько же вернуть на место. Но сегодня у нас исключение. Я не могу ждать еще пятнадцать дней, чтобы рассказать вам о принципах работы автомата.

Профессор подошел к пульту и, вытащив из него гибкую гофрированную металлическую трубу с медным раструбом на конце, отдал краткую команду, которую Олег не разобрал, потому что устройство исказило слова до неузнаваемости. И сразу же все пришло в движение. Утлые лампадки над пультом машинного зала дрогнули и пыхнули ярким пламенем, в них подали газ. В свете огня механизмы засверкали медными полированными деталями. В дальней стене открылась маленькая дверца, из нее в клубах пара в зал вошли два человека. Один из них, видимо, инженер, в кожаной куртке, в картузе с очками-консервами над козырьком и с такими большими крагами на руках, что, казалось, в их раструбы можно было положить по тому энциклопедии, четким строевым шагом обошел главный полукруглый агрегат и остановился позади него. Второй, служка в холщовом костюме с широкими шевронами из желтого металла, подошел к торцу агрегата и, сняв с подвески большой заводной ключ, вставил его в личину. Инженер поднял правую руку, Лано отдал новую команду, которую Олег понял как «ПАР!». Когда легкий свист наполнил зал, инженер дал отмашку. Техник с натугой провернул заводной ключ. В утробе гигантской паровой машины ухнуло, раздалось тяжелое дыхание поршней, и центробежный регулятор на вершине двигателя начал вращаться, медленно растопыривая в стороны шарики на пантографе. Через несколько минут процесс стабилизировался, шарики регулятора заняли свою орбиту, и зал наполнился мягким, спокойным гудением работающего механизма.

– Давайте карточку! – громко, перекрывая шум двигателя, сказал Батрид.

Мельком глянув на карточку, профессор развернул ее правильной стороной и вставил в щель на панели пульта управления.

«Прямо банкомат какой-то», – подумал Олег.

Незначительное действие привело к грандиозным результатам. Внутри пульта стукнули механические передачи, один из валов, выходящих из главного двигателя, завертелся, заставив натужно взвыть всю систему. Лязгнул диск сцепления, и четыре длинные ременные передачи, приводящие в действие механизмы вне зала, заструились, унося энергию пара прочь, к транспортным системам хранилища.

Ждать пришлось минут пять. Батрид гордо восседал у пульта и с непроницаемым видом сжимал поясной шнурок, словно талисман. Наконец незаметная до того стальная перегородка в стене отъехала в сторону, и в зал выкатилась небольшая тележка на колесиках. Батрид подошел к ней и извлек предмет. Это была обычная вилка. Ну, не совсем обычная. Литая ручка из покрытого черной патиной металла оканчивалась пятью тонкими зубцами. Необычной она казалась для земного глаза.

– Я так и думал, смотрю, карточка такая знакомая, – с удовлетворением громко сказал профессор.

– Вилка? Зачем тащить вилки контрабандой? – удивился Олег.

– Во-первых, это могла быть и не контрабанда, а потом, вспомните год! Полторы тысячи лет назад! Откуда тогда в Центруме могли быть вилки?

Лано положил вилку на место в транспортную тележку. Затем вернулся к пульту и нажал несколько кнопок, выразительно глянув на техника. Тот сорвался с места и закатил тележку за перегородку. Опять заиграла и через пять минут стихла симфония скрытых механизмов. Олегу уже надоело переминаться с ноги на ногу в роли безмолвного наблюдателя. Батрид выдернул карточку и кивнул инженеру, который все время следил со своего поста за происходящим. Он перешел к пульту и отдал команду через рупор.

– Они сами все остановят, пойдемте, я думаю, демонстрации на сегодня достаточно. – Профессор взял Олега под руку и повел из зала.

– Лано, я бы все-таки хотел вернуться к каталогу и… – Шергин остановился. – А как определить с помощью каталогов хранилища, была ли передача предметов в другой мир через Центрум. Ну, так, для начала хочется просто понять…

– Это хорошая идея. Мне надо будет вас завтра представить ректору, заодно и в библиотеку запишитесь, посмотрите, как искать описание предмета по коду на карточке, – согласился профессор и направился к шкафам каталога. – Не будем искать в давних трансакциях, мы уже ничего не выясним об исторических турбулентностях, произошедших тысячи лет назад. Вот, давайте…

Батрид прошел по спиральной галерее метров двести, не отрывая взгляда от череды каталожных ящиков. Олег удивился, насколько легко двигался его руководитель, словно пробежки трусцой по спиральному хранилищу были для него развлечением.

– Ага, вот, – пробормотал профессор себе под нос. – Я хорошо помню, что лет сто назад через Центрум шел активный трафик на Землю. Вот, давайте сами, Олег, поищите нужные данные, а я пока верну на место то, что мы изъяли. Порядок, запомните, строжайший порядок в хранилище – это залог вашего успеха.

Профессор похлопал себя по карману, в котором лежала карточка на доисторическую вилку.

Шергин, уже понимая принцип каталога, открыл левый нижний ящик и стал листать тетрадку с дескрипторами. Через пару минут он выбрал десяток карточек с предметами, которые прибыли в Центрум из Тахреи и ушли на Землю. Оказалось, что перенос предметов между мирами был не таким уж и редким явлением.

– Посмотрите, Олег, – сказал Батрид, когда они вышли из хранилища на улицу, – вот эта дымовая труба от топки двигателя, который приводит в действие механизмы автомата.

Рядом с главным входом в хранилище располагалась небольшая пристройка, в ней и была главная топка – из крыши вздымалась широкая черная труба, все еще изрыгающая клубы серого дыма. Два раза ухнул гудок на котельной.

– Прощаются, – улыбнулся Лано. – Ну что, пойдемте домой, скоро подадут обед.

Обед накрывал служка, неловко расставляя грубые глиняные тарелки, приборы и бокалы для вина. Он то начинал протирать ложки краем скатерти, то долго не мог вспомнить, с какой стороны от тарелки нужно положить нож. Было понятно, что сервировка стола – дело для него совершенно новое и раньше он никогда такими бессмысленными ритуалами не занимался. Дождавшись, пока нерасторопный слуга уйдет, Батрид тяжело вздохнул и произнес:

– Что-то мне хочется отказаться от такого сервиса. Вы не будете возражать, чтобы в следующий раз этот балбес просто приносил нам еду и убирался восвояси? А то еще начнет своими штанами приборы вытирать.

– Да ради бога. Официант не нужен. Приятного аппетита!

Чечевичная похлебка с беконом и сыром была восхитительна. Танзо, доставленные, по словам Лано, с юга, были пряными и нежными, а вино, как объяснил профессор, местное – легкое и искристое.

Батрид сам прибрал со стола, не позволив Олегу помочь, вернулся и с позволения аспиранта закурил трубку. Он долго набивал ее с помощью особой лопатки, распространяя по келье аромат табака. А когда разжег трубку угольком, принесенным специальными щипцами из очага, в гостиной повисло облако дыма совершенно неземного запаха. Олег в какой-то момент подумал, что табак в Центруме будет посильнее многих земных наркотиков. Но Батрид не терял ни здравого смысла, ни нити разговора.

– Я думаю, вы обустроитесь, отдохнете, а завтра утром мы отправимся в Ректорат. Вы не возражаете против поездки верхом? На осликах.

– На осликах? – Олег поморщился. – А может быть, удобнее пешком? Тут близко. Прогуляемся.

– Спускаться – определенно приятнее, а вот подниматься… Привыкайте к нашим реалиям. Да и стар я уже прыгать по горам.

После обеда Шергин решил сам пройтись по городку, осмотреться. Батрид, не обращая внимания на возражения, вручил несколько купюр, добавив, что вернуть можно со стипендии или когда будет удобно.

Улицы, пустынные с утра, сейчас были полны жизни. Олег отметил, что утром по влажным от росы камням мостовой подошвы его туфель нещадно скользили. Сейчас дорога высохла, и шагать было легко. И хотя жителей Депозитария было всего ничего, на каждом углу мощеных улочек открылись лавки, судя по незнакомым аппетитным ароматам – в основном продуктовые. Иногда на тротуарах стояли маленькие столики – их вынесли из микроскопических кофеен для потенциальных гостей. Шергин не удержался и выпил бодрящего и крепкого кофе. Приветливые горожане уже знали, что Олег с Земли, что он новый аспирант Батрида, и приглашали заходить в любое время. Один раз с Олегом поздоровался человек в строгой униформе. Он отдал честь, поклонился и произнес: «Я местный городской инспектор, если будут вопросы, обращайтесь». Олег раскланялся, заверив, что всенепременно.

А потом был ранний ужин, и Шергин, утомленный новыми впечатлениями, быстро откланялся и ушел к себе. Прежде чем заснуть, он с сожалением выбросил свой «Паркер», превратившийся в грязную кашицу, раскисшие наборы для изготовления печатей и две футболки, испачканные останками авторучки. И тут Олег почувствовал, что у него остался легкий неприятный осадок, как после плохо сыгранной роли в школьной самодеятельности.

В щель под дверью его комнаты пробивался свет из гостиной. Батрид еще долго не ложился спать.

Глава третья

Представление

Ослики пахли совершенно не по-земному. Олег даже не поверил сам себе и принюхался.

– Вам не нравится запах? – забеспокоился Лано.

– Нет, все в порядке. Странный просто. Словно их только что вымыли с душистым мылом.

– Нет, это природный запах наших копытных, – категорично ответил Батрид.

– У нас они по-другому пахнут, – пояснил Шергин. – Вот я и удивился. Здесь, в Центруме, вообще другая гамма запахов. Я, когда шел к вам из города, цветы ваши нюхал. Непривычный запах. Слишком даже.

– Цветы? Могу ли я так понимать, что у ваших цветов приятный запах?

– Обычно да. Они привлекают насекомых для опыления.

– Понятно, – кивнул Батрид, – у наших цветковых хироптерофилия[1 - Х и р о п т е р о ф и л и я – опыление растений летучими мышами.] и другая пищевая цепочка. Кстати, тогда я вас должен предупредить, цветы в горной местности лучше не трогать. Можно обжечься.

– Понял, не буду!

Олег со своим руководителем удобно устроились в небольших седлах на спинах послушных ушастых ослов. Животные дружно застучали по камням своими трехпалыми копытцами. Казалось, они выбивают быструю барабанную дробь.

– А у наших совсем не так ноги устроены, – не очень уверенно сказал Шергин, смутно вспоминая что-то о раздвоенных копытах и чистых и нечистых животных. – Интересно, зачем вашим по три пальца, да еще такие подвижные?

– Наш скот питается кореньями, такие копыта – самый лучший инструмент, чтобы добывать свою основную пищу.

– А! Точно, ваши цветы кусаются…

– Ясно, ваш-то скот, я так понимаю, может просто травку щипать, – согласился Лано. – Миры вокруг Центрума разнообразны, но так похожи. И меня всегда поражала одна мысль. Вот мне известно, что Земля намного опережает нас в своем техническом развитии. И, наверное, не в том дело, что у вас существуют

углеводородные источники энергии и многие искусственно созданные материалы, которые невозможны в нашем мире. Не это важно. В конце концов, я читал, что у вас есть люди, которые думают, что человека должно окружать только то, что создала природа. Но как отличается мироустройство! Видимо, есть какая-то разница между нами и вами, разница, сидящая у нас в мозгу, та, что делает наши миры настолько отличными.

Дробный перестук копытец, плавный шаг животных и покой, царивший этим ранним утром, настроили коллег на философский разговор.

– Каждый изолированный мир развивается по-своему. Я вот знаю, что у нас в Центруме все страны или континуумы более или менее одинаковы по уровню развития. У нас один уровень промышленности. А на Земле?

– Ну, на Земле уровень развития разных народов может сильно отличаться, очень сильно. Но при этом практически никто не знает о реальном мироустройстве. Подавляющее большинство жителей нашего мира уверено, что они уникальны и одиноки во Вселенной и надеяться надо только на себя.

– А у нас все воспринимается по-другому. Я всегда считал, что факт того, что Центрум является сердцем миров, привел нас к такому… ну, скажем, застойному состоянию. Ничего не надо делать, кто-нибудь откуда-нибудь все принесет. Правда, может принести и такую гадость, как те микробы, уничтожившие надежду на создание у нас высокоиндустриальной цивилизации.

– Зато какой у вас воздух, – ответил Олег и вдохнул полной грудью. – У нас теперь даже в горах уже не так свободно дышится.

– Наши паровозы портят природу, – категорически возразил Батрид. – Скоро все провоняет дымом.

– Вы так не любите Центрум?

– Нет, я просто недоволен ходом нашей истории, – ответил Батрид и так глянул на Шергина, что стало ясно – он недоволен вопросом.

Тут оба осла как по команде остановились и нервно запрядали ушами.

– Мартышей чуют, – тихо сказал Лано, вглядываясь в ставший густым лес. – Они их не любят.

– Мартышей? – Шергин услышал новое для себя слово.

– Да, есть такие звери в лесу. Некоторые даже считают их разумными. Однако мартыши пугают по ночам ослов в стойбищах. Никто не знает, зачем и как они это делают. Но… – профессор спешился, – в общем, если мартыша не прогнать, осел и шага дальше не сделает.

Батрид подобрал с дороги камень и швырнул его в заросли. Потом еще один. Камни шуршали в листве, но ничего не происходило. Но когда Лано взял в руки третий камень, ветки густого кустарника зашевелились. Кто-то, не скрываясь, быстро убежал прочь. Ослы немедленно успокоились.

– Поехали, – сказал Батрид. – Ушел.

Животные как ни в чем не бывало снова дробно застучали копытцами по камням. Лесная дорога, мощенная сотни лет назад, уже подходила к городу, к Ректорату. Навстречу стали попадаться люди – кто пешком, кто верхом на таких же осликах. Проскакал на коне человек в униформе. Федеральный курьер, объяснил Батрид. Чуть позже появились люди на велосипедах, то ли праздно катающиеся, то ли спешащие по делам. А потом были городские ворота, распахнутые настежь, без всякой охраны, и Олег со своим научным руководителем уже ехали по прямым и широким улицам Ректората.

От аскетизма Депозитария здесь не осталось и следа. Дома в столице были богатые, в два, три и даже четыре этажа. С подоконников и маленьких балконов свешивались гирлянды ползучих растений. Вдоль проезжей части выстроились ряды аккуратно подстриженных невысоких деревьев. Витрины магазинов, торговавших одеждой, украшениями и дорогими продуктами, блистали роскошью. Само здание, где находился кабинет ректора, напоминало помесь дворца и кафедрального собора. У входа посетителей встретил служка, видимо, знавший Батрида в лицо. Он кивнул и, не говоря ни слова, принял поводья и увел животных во внутренний дворик.

– Ну что, как раз время визита. Мы прибыли секунда в секунду. Мы не заставили ректора ждать. – Профессор глянул на большие башенные часы, украшавшие

фронтон.

У Олега засосало под ложечкой. Визит к ректору вызывал у него смутную тревогу.

В отличие от Депозитария ни в самом Ректорате, ни в резиденции ректора охранников не было, обстановка была демократичной и свободной. В приемной их встретила немолодая секретарша. Она поздоровалась с профессором, не обращая никакого внимания на аспиранта. Предложила сесть, опять же – только Батриду. Олег вежливо остался на ногах, но Лано хитро подмигнул и похлопал по ручке кресла рядом с ним.

– Я сейчас узнаю, может ли господин Турбах вас принять, – сообщила секретарша и скрылась за большими, обитыми светлой кожей дверями, ведущими из приемной в кабинет.

– Не обращай внимания. Чем ничтожнее функционер, тем важнее он старается выглядеть, – шепнул Лано, впервые обратившись к Олегу на «ты».

Секретарша вернулась, ничего не говоря. Словно забыв о посетителях, она села на свое место за столом у окна, порылась в бумагах и как бы невзначай сообщила: «Заходите, ректор вас примет».

Ректор, профессор Турбах, был крупным полноватым человеком, на голову выше Батрида и почти одного роста с Олегом. Его слегка запущенная одежда, черные круги под глазами и длинные причесанные, но давно не стриженные волосы создавали впечатление человека, полностью поглощенного работой и не заботящегося о своей внешности. Впрочем, крупный солитер в золотой оправе, украшавший ослабленный галстук, подсказывал Олегу, что образ этот скорее напускной.

– Очень рад. – Ректор вышел навстречу посетителям и пожал руку Батриду. – Как поживаете, профессор?

– Спасибо, спасибо! – Батрид ответил на рукопожатие. – Разрешите представить вам моего аспиранта по случаю начала его научной работы. Он прибыл с Земли.

– Очень рад, очень. – Ректор вяло принял ладонь Олега, который в ответ невнятно пробормотал свою фамилию. Впрочем, ректору было все равно.

Он уселся в свое кресло с резными деревянными подлокотниками. На столе ректора царил живописный хаос. Пачки документов, чернильный прибор в виде старинной крепости, осажденной варварской конницей, часы, встроенные в корабельный штурвал, статуэтка пресс-папье из малахита – обезьяна с черепом в руках и плоскогубцами, которые она держала пальцами ног. На стене за спиной ректора – коллекция старинного холодного оружия, развешанного зловещим веером. В углу – флаг Лореи.

– Я искренне горжусь, что впервые за столько лет, нет, даже веков, между нашими мирами возникают контакты, отличные от простого потребительства. Я искренне рад вашему прибытию к нам в Лорею и надеюсь, что ваша научная работа… Кстати, какая у вас тематика?

– «Корреляция товарных потоков и политических течений в многообразии внешних связей Центрума», – немедленно ответил Батрид, давая понять Олегу, что с ректором допустимо говорить только через научного руководителя.

– Прелестно, прелестно, – непонятно чему обрадовался Турбах. – Я надеюсь, что ваша работа послужит дальнейшему сближению. Если есть какие-то проблемы, помехи в работе, не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне.

– Было бы очень хорошо, господин Турбах, – ответил Батрид, – если бы формальности вроде постановки на довольствие и оформления допуска в библиотеку прошли как можно быстрее. Господин Шергин уже начал работать. Прямо в день прибытия.

Ректор позвонил в колокольчик. Дверь в кабинет открылась так стремительно, что показалось, секретарша все время стояла, приложив ухо к замочной скважине.

– Каролиза, немедленно два именных бланка и записывай! – приказал Турбах, не глядя на подчиненную.

Секретарша шустро метнулась в приемную, вернулась с бумагами, скромно пристроилась у журнального столика и стала внимать.

– Первое. Директору академической библиотеки Ректората господину Убринду. – Тут Олег с громадным усилием спрятал улыбку. – Обеспечить полный и свободный доступ к фондам господину…

Ректор замялся, но Лано немедленно подсказал: «Олегу Шергину, Земля».

– Да, господину Олегу Шергину, официальному аспиранту с Земли, без изъятий и ограничений. Членский билет выдать немедленно. Подпись. Дата. Так, второе. Начальнику интендантской службы господину Лакиза. Предписываю поставить на квартирно-материальное и пищевое довольствие аспиранта первого года обучения, господина… э-э…

– Олега Шергина, Земля.

– Да, Олега Шергина, с сегодняшнего…

– Со вчерашнего, – осторожно поправил Батрид.

– Да, напиши просто дату, вчерашнюю, – недовольно согласился Турбах. – Ну и подпись.

– И дайте распоряжение в кассу для получения первой стипендии, – не забыл напомнить Батрид. – Зачем утруждать молодого человека долгами.

– Да-да, конечно, – кивнул ректор и выписал еще одну бумажку.

– Спасибо, господин ректор, ваше служение делу науки всегда вызывает восхищение, – поклонился Батрид и взглядом потребовал от Олега сделать то же самое.

– Не стоит, пустое, – ответил ректор, встал и молча пожал руки посетителям, показывая, что аудиенция окончена.

В приемной пришлось подождать секретаршу, которая задержалась в кабинете начальства. Она вернулась минут через пять, все такая же неприветливая. Нехотя, словно делая одолжение, она вручила бумаги Батриду. Лано вышел не

прощаясь, однако Олег все-таки вежливо сказал «До свидания». Впрочем, ответа не последовало.

– Ненавижу этот гадючник, – пробормотал уже на улице Батрид.

– Ну, как же? Ректор так отзывчив! – удивился Олег.

– Ты что, думаешь, мне нужна какая-то помощь от Ректората, чтобы обеспечить тебе жизнь в моем доме? Просто сейчас интендант на тебя спишет столько всякого, и половина пойдет на ректорскую виллу. Это у нас такие игры. А библиотека… там можно оформиться и без помощи высших руководителей.

– Кстати, фамилия библиотекаря, Убринд, это пьяница по-вашему, да?

– Ну, как тебе сказать… Уже много лет библиотека – место работы не очень образованных детей из семейств нуворишей. И некоторые из них, ну… В общем, род Убриндов не зря получил такое имя. Синекура порождает деградацию, мой друг. Но ничего, тебе с ними редко придется сталкиваться. Они все витают в том слое общества, куда нам, простым людям, нет доступа. Пойдем, я все покажу на месте. Но сначала в кассу.

Через несколько минут Олег стал обладателем суммы денег, достаточной для достойной жизни.

Библиотека находилась в двух шагах от резиденции ректора, она поражала размерами и имперской монументальностью, хотя ее внешний вид больше напоминал военный бункер. С начальством, к общей радости, встречаться было не нужно. В регистратуре, проверив документы и сопроводительное письмо, немедленно выписали читательский билет, и на этом формальности были закончены.

– Девочки тебе расскажут, что и как, – пояснил Батрид, – а я пойду к интенданту. В общем, давай, здесь твое второе основное рабочее место. Дорогу домой найдешь?

– А вы как?

– Да что я, я через полчаса освобожусь. Осла тебе отдадут там, где ты его оставил. Дорога прямая, от порты Вольпины – это те ворота, через которые мы въехали сюда. Давай, не стесняйся.

Олег простился с Батридом. Вокруг Шергина сразу собрались сотрудницы, с интересом наблюдая за новым посетителем. Волоокая библиотекарша, представившаяся Ронной, оттеснила остальных и повела его в зал дешифраторов, помещение, где хранились все расшифровки каталогов Депозитария. Ронна подробно, зачем-то плотно прижимаясь к Олегу бедром, стала знакомить его с системой, по которой расположены тома на полке. Потом, когда Шергин начал слегка задыхаться и от прилившей к лицу крови стало совсем жарко, она удалилась, многообещающе сообщив, что не прощается навсегда.

– Для вас библиотека открыта в любое время, – чувственно сказала девушка. – Приходите когда захотите. Прямо как захотите, так и приходите.

Олег с трудом собрался с мыслями и ближайшие два часа провел в поиске данных по карточкам, которые прихватил с собой. К сожалению, никаких копировальных устройств в библиотеке не подразумевалось, и поэтому все пришлось выписывать руками, с помощью чернил и ручки с архаичным металлическим пером. Шергин увлекся и бросил работу только тогда, когда дал знать о себе голод.

Прежде чем вернуться в Депозитарий, Олег решил перекусить и взять что-нибудь к столу. Побродив по богатым улицам Ректората, Шергин купил бутылку вина, совершенно не представляя, какое оно на вкус.

Глава четвертая

Нападение

Получив своего осла у молчаливого парковщика возле резиденции ректора, Шергин двинулся назад в Депозитарий. Солнце стояло еще высоко, и Олегу пришлось потерпеть жару, пока дорога в горы не укрылась в тени под

деревьями. Ослику, привычному к местному климату, было все равно, он мерно стучал по дороге своими копытцами. Когда исчезли встречные путешественники, когда лес сгустился настолько, что кроны деревьев сводами нависли над дорогой, осел внезапно остановился и взволнованно засопел. Помня историю о мартышах, Шергин соскочил на землю, подобрал камень, но не успел его бросить, как из леса раздался приглушенный низкий голос: «Гора. Огонь. Смерть». А потом зашуршала листва за удаляющимся существом.

Олег ошарашенно замер, тихо выругался про себя, но осел уже был спокоен, и они продолжили свой путь. Эта нелепая встреча с мартышом снова заставила Олега нервничать. Когда миновали лес и последний отрезок дороги вился среди изумрудного альпийского луга, навстречу Шергину выскочила группа всадников. Громадные черные кони неслись ровным галопом, переметные сумы качались в такт бегу. Всадники никого и ничего не замечали в своей апокалипсической скачке, и Олегу пришлось свернуть с дороги, чтобы его не растоптала эта кавалькада. Люди были все как один в темных одеждах, лица прикрыты черными платками. Всадники пронеслись мимо, оставив в воздухе запах человеческого и конского пота, кожаной упряжи и оружейной смазки. На душе у Шергина стало совсем нехорошо. С тяжело бьющимся сердцем он подъехал к городской стене Депозитария и там уже понял причину. Над городом поднимался густой сизый дым.

Охраны, которая еще вчера встречала Олега у распахнутых настежь городских ворот, не было. Вернее, оба стража, раскинув руки, лежали на брусчатке в сумраке проездной арки. Шергин спешился и, обходя лужи крови, прошел дальше. Город был пуст… Дым пожара, который Олег увидел еще издалека, поднимался вверх и возвращался, стелясь по улочкам. Шергин первым делом поспешил к дому профессора, но дверь была заперта. Бросив там осла, Олег бегом кинулся к хранилищу.

Взрыв разнес здание рядом с хранилищем, то самое, где была топка машинного зала. Было ясно, что не взрыв был главной причиной событий. У входа в хранилище лежали охранники. Они в отличие от тех, кто погиб на въезде в город, не пали без боя. Олег сразу понял, с кем сражались храбрые служители Депозитария. Пять трупов в шароварах и темных коротких балахонах, таких же, как на недавних всадниках, которые чуть не сбросили его с дороги, лежали на площади, так и не прорвавшись за порог. Там, в сумраке входной арки, трупы не очень испугали Олега, но здесь при виде лежащих у входа в хранилище мертвецов у него похолодели кончики пальцев, и от лица отхлынула кровь.

Охранники, которые служили всего-то ритуальной стражей, один с развороченной выстрелом грудью, другой с рубленой раной на голове, погибли на посту.

Шергин осторожно вошел в распахнутые двери. Там внутри у второго решетчатого запора тоже повсюду были видны следы боя. Охрана второго рубежа вся полегла под градом пуль. Стены были испещрены выбоинами. Убив всех, нападавшие взорвали стальные решетки, а потом взорвали и следующие, глухие двери… Олег, понимая, что преступники покинули город, ринулся в глубь Депозитария. Он пробежал гулкой галереей, в которой стоял резкий запах пороха, уже на балюстраде увидел, что двери в машинный зал открыты, и вошел в помещение. У пульта управления сутулясь сидел Батрид и рассматривал разложенные перед ним карточки. Все газовые рожки были погашены, и тусклый свет над пультом делал эту задачу непростой.

– Что им было нужно, Олег? – не оглядываясь, пробормотал профессор. – Что могло заставить их пойти на такое преступление?

– Лано, с вами все в порядке? – спросил Шергин. – Вы не ранены?

– Зачем ты спрашиваешь, ты же видишь, что со мной все в порядке. А вот инженер Мазанини… Я с ним проработал двадцать лет.

Только тут Олег увидел, что на кожухе парового двигателя ничком лежит человек в кожаной куртке. Одна его крага упала на пол, обнажив бледную и тонкую, как у пианиста, ладонь. По черному корпусу главного привода пролегла темная струйка крови.

– Он отказался заклепать предохранительный клапан, они хотели, чтобы машина работала быстрее, – грустно сказал Батрид. – Он еще дышал, когда я прибежал. Что же им было нужно?..

– Профессор, идемте домой, нет смысла здесь находиться. – Олег понимал, что в таком состоянии его пожилого учителя может хватить удар.

– Я должен быть здесь, теперь охранять больше некому, – твердо сказал Батрид. – Вход нараспашку.

– Сейчас что-нибудь придумаем.

Олег бегом выскочил на улицу. Оказалось, что городок уже приходит в себя. Несколько человек в блестящих касках и серых холщовых костюмах, развернув длинные шланги, тушили помещение топки.

– Кто у вас старший? – крикнул Шергин.

Ближний к нему пожарный повернулся и спросил недовольно:

– Что надо?

– Необходимо найти полицию, чтобы взять здание под охрану. Где полиция?

– Нету полиции, вся полегла. Все пятеро.

– Мне нужны цепь и замок, где можно найти?

В ответ пожарный только пожал плечами и вернулся к своей работе. Олег огляделся. На площади уже собралась толпа зевак. Они не обращали никакого внимания на Олега, наблюдая за работой пожарных.

– Мне срочно нужны цепь и замок! Именем Лореи! – неожиданно для себя проревел Шергин.

Что-то в его голосе было такое, что и цепь, и замок горожане принесли через минуту.

Шергин вернулся в машинный зал и с трудом уговорил Батрида пойти с ним, пообещав накрепко запереть вход в хранилище. В итоге профессор согласился. Выходя, Олег обмотал цепью разломанные стальные решетки и запер их на замок, пропустив цепь через прутья. Но перед этим он вытащил носовой платок, протер им белый налет на взорванной двери хранилища и, аккуратно сложив, спрятал в кармане.

Ключ от замка он тоже положил в карман. Люди на площади почему-то смотрели на профессора неодобрительно. Дома Шергин заварил чай и добавил туда

быстрорастворимую таблетку снотворного, которую достал из своего рюкзака, полагая, что сейчас для Батрида это самое лучшее лекарство. Через два часа в дверь профессорской кельи постучали. Это был не стук гостя или путника. Стучали ногой. На пороге стояли офицер и два солдата с мечами и винтовками.

– Профессору Батриду предписывается прибыть на заседание следственной комиссии Ректората! – сообщил военный.

– Профессор плохо себя чувствует, – ответил Шергин.

– Нет, нет, – раздался голос Лано. – Я иду.

Бледный и осунувшийся Батрид появился на пороге своей комнаты.

– Тогда и я иду с вами, – сказал Олег.

– Предписано одного.

– Я важный свидетель по делу! У меня есть ключевые сведения! – Олег шагнул к выходу.

– Ладно, иди тоже, – безразлично буркнул офицер и пропустил профессора и Шергина на улицу.

Возле хранилища стояли два больших экипажа с гербами Ректората, запряженные каждый парой коней. Вход охраняли с десяток солдат, вооруженных автоматами.

Над городом еще не развеялся дым пожара, не смыли кровь на въезде и на площади у хранилища, только убрали тела и протерли кожух двигателя, а из Ректората уже приехал старший научный дознаватель профессор Бальдраф со свитой. В машинном зале он организовал заседание следственной комиссии. В помещение занесли кресло, скамейку для комиссии и табуретку для Батрида. Лано, с трудом борясь со сном, занял свое место.

– Дела плохи, – прошептал он на ухо Олегу. – Этот душу выест. Он меня ненавидит.

– Вам будет дано слово, уважаемый, когда это потребуется комиссии. – Бальдраф остановил Батрида. – Приготовьтесь отвечать.

– Мне пока нечего ответить, господин Бальдраф, – сказал Лано и, не скрываясь, зевнул.

– Господин старший научный дознаватель! Мы не в кабаке, нечего фамильярничать, – повысил голос Бальдраф. – Если вам нечего сказать, то будете отвечать на наши вопросы, и нечего тут зевать! – Дознаватель поднял скрюченный артритом указательный палец. – Ответьте, какое отношение вы имеете к организации ограбления главного хранилища Депозитария?

– Никакого, – смиренно ответил Лано. – Извините, я просто устал, меня в сон клонит.

– Сомнительно, – проскрипел Бальдраф, то ли не веря в сонливость Лано, то ли во что-то другое. – Скажите, зачем вы подали сигнал грабителям?

– Я не подавал сигнала грабителям.

– А тот факт, что несанкционированно, вне расписания, был запущен главный котел механизмов хранилища, разве не сигнал? – Речь обвинителя гремела на подъеме. – Кто вам позволил дать команду на разогрев котла?

– Система механизмов хранилища была запущена для демонстрации принципов работы моему новому сотруднику. Я как главный хранитель Депозитария Лореи имею право…

– Вы имеете право делать что-либо только в рамках правил! В правилах написано, в какой день включается механизм!

– Как же включением механизма я мог помочь грабителям? Они-то ограбили сегодня, а котел запущен был вчера.

– Зато сегодня он еще не окончательно остыл! – Бальдраф выложил, как ему казалось, главный козырь.

– А кто вам сказал, что он не остыл? – не выдержал Олег.

– А это что такое? – Бальдраф состроил брезгливую гримасу. – Кто пустил?

– Позвольте представить – мой аспирант, гость с Земли Олег Шергин. По настоянию Ректората прикомандирован ко мне, чтобы… – Лано говорил тихо, с трудом выговаривая слова.

– Так, тут еще и мультикультурностью попахивает. – В голосе дознавателя зазвенел металл. – Давно у нас в Ректорате иномирцы обосновались?

– Нет, что вы, он первый день…

– А кто запер вход в хранилище после ограбления? Кто пытался препятствовать работе комиссии? – Бальдраф звякнул лежащей рядом с ним цепью. – Если бы добрые жители города не принесли второй ключ, мы бы не смогли приступить к расследованию.

– Это я запер, ведь нельзя же оставлять открытым вход в хранилище, – попытался объяснить Шергин.

– Ну, что я говорил? – гордо осмотрел окружающих дознаватель. – Именем Лореи я объявляю бывшего профессора Лано Батрида обвиняемым в организации ограбления Депозитария, гибели сотрудников и подозреваемым в государственном заговоре против сил науки. Вы проследуете со мной в Ректорат до окончания следствия. Стража!

– Не надо. – Батрид шепотом остановил Олега, который потянулся к карману. И уже громко обратился к дознавателю: – Разрешите мне взять с собой необходимые вещи?

Бальдраф уже остыл и, изображая милосердие, буркнул:

– Только быстро. – Затем повернулся к выходу: – Охрана, глаз с него не спускать!

На обратном пути Олегу и Лано пришлось пройти сквозь толпу горожан, собравшихся вокруг хранилища. Видимо, о происходящем в машинном зале

расследовании каким-то образом стало известно всем. И теперь жители смотрели на Батрида по-разному – кто с испугом, кто с явным презрением, как на предателя, а кто и с сочувствием. Олег заметил одну немолодую женщину, которая, увидев профессора в сопровождении вооруженной охраны, не смогла сдержать слез.

Охранники попытались войти в келью вслед за Шергиным и профессором, но тот так посмотрел на них, что солдаты безропотно остались у дверей.

– Олег, вот карточки, постарайся в библиотеке все о них узнать. У меня плохие предчувствия. Еще никогда такого не было. – Батрид протянул стопку карточек, которые он подобрал в машинном зале после ограбления. – Именно это и похитили.

– Профессор, я освобожу вас! – по-мальчишески отчаянно произнес Шергин.

– Сначала расшифруй записи в карточках. Не пропусти ничего. Мы должны понять, что же у нас украли. Все, вот ключи от кельи. – Лано протянул связку Олегу. Глаза у него были уже совсем сонные, заметно было, что он держится из последних сил. – Не волнуйся. И спрячь оружие подальше. У тебя не было никаких шансов отбить меня у комиссии.

Шергин молча смотрел, как профессор, покачиваясь от слабости, вышел из темной кельи на яркий уличный свет, как по его бокам встали охранники и повели в сторону городских ворот. А потом под порывом ветра дверь в келью со стуком закрылась. Олег вытащил из кармана пистолет и поставил на предохранитель. Затем сел за обеденный стол в гостиной и разложил карточки. Некоторые из них были относительно новые, другие пожелтели от времени. Судя по всему, они описывали предметы, перенесенные в Центрум на протяжении сотен лет. Но откуда они попали в Центрум, куда ушли, что это были за предметы, понять по карточкам было невозможно. Что? Откуда? Куда? Зачем?

Олег поднялся и вошел в спальню Батрида. Она мало отличалась от комнаты аспиранта, разве что тем, что рядом со шкафом здесь разместилась большая книжная полка. Внимание Олега привлекла плоская картонная коробка, лежащая на самом верху. Он осторожно снял ее. Пыли на коробке не было, видимо, ее часто доставали. А внутри был портрет. Женщина с маленькой девочкой на руках. Изящный портрет маслом. Шергин, чувствуя, что поступает

нетактично, положил его на место.

Ночью опять испортилась погода. На этот раз северный ветер нагнал на город тучу, которая просыпалась на улочки Депозитария мокрым снегом. Олег еще в утренних сумерках двинулся к Ректорату, в библиотеку.

На этот раз путь до Ректората прошел без каких-либо неожиданностей, даже мартыши не помешали переходу. Лишь однажды Олег остановился, когда лес плотно подступил к дороге с двух сторон, и, свернув в чащу, скрылся в ней на полчаса. Когда он вернулся на дорогу, на крупе осла красовался громадный тяжелый вещмешок.

Оставив ослика там же, где и вчера, Шергин зашел в библиотеку. Но его ждало неприятное известие – бумажка, пришпиленная кнопкой к столешнице, гласила: «Сегодня доступа к каталогам нет». Олег постучался, не особо надеясь, что внутри кто-то есть. В массивной дубовой двери моментально открылось окошко и показалось унылое усатое лицо сторожа.

– Лорейским языком же написано! Сегодня работы в каталогах нет!

– А можно с Ронной поговорить? – Шергин надеялся, что страстная библиотекарша не забыла его.

– Кто спрашивает? – недовольно спросил усатый.

– Аспирант с Земли.

Охранник хмыкнул и закрыл окошко.

Ждать долго не пришлось. По знакомому стуку каблучков Олег понял, что это Ронна.

– О, наш новый аспирант! – Библиотекарша распахнула двери так энергично, что казалось, она сейчас выскочит из одежды, и впустила Шергина внутрь. – Неужели так не терпится?

– Да, очень захотелось, – улыбнулся Шергин. – Я всю ночь думал, что мне сегодня надо к вам. В библиотеку. А тут, оказывается, меня не ждут.

– Вы же понимаете, – обворожительно улыбнулась Ронна, – у нас бывают особые дни. Но сегодня для вас все открыто, идемте.

Ее взгляд скользнул вниз, и она тихо произнесла:

– Ой, у какой у вас большой… Даже страшно. А можно попробовать его потрогать? Может, я смогу его поднять?

– Я боюсь, не каждой женщине это под силу, – в тон ей ответил Олег. – Но для вас тоже сегодня все двери открыты. Я бы хотел, чтобы мы несли его вместе. Вы будете вести меня, держась за него.

– Давайте вместе, – сбиваясь в дыхании, согласилась библиотекарша.

Олег поднял свой вещмешок, дав Ронне для виду подержаться за лямки.

– С вами так легко, – вздохнула Ронна и повела Олега по коридорам библиотеки.

– Вы не спросили, куда мне надо.

– Когда я смотрю на вас, – не оглядываясь, ответила девушка, – я сразу понимаю, куда вам надо.

– Да, в зал дешифраторов.

– Мы туда и идем. Там широкие удобные столы. И там никого сегодня нет.

– Я смогу быстро справиться со своим делом.

– Зачем же быстро? – удивленно спросила Ронна. – Мне кажется, качество работы будет выше, если вы посвятите ей больше времени.

– Я буду стараться, – пообещал Шергин.

– Я тоже… Я покажу вам то, что мало кто видел… Считайте, что я хранила это для вас. – Ронна подвела Олега к входу в зал дешифраторов. – Только одна просьба, входите осторожно.

– Я всегда осторожен.

– Но сегодня будьте особенно осторожны. Не скрипите дверью, можем вспугнуть начальство. И не гремите стульями. Этажом ниже сидят девки-каталожницы. Они все хорошо слышат. И им будет завидно.

Шергин вошел в зал, Ронна закрыла за ними дверь на ключ.

– Ну что, начнем? – В тусклом свете газовых рожков глаза Ронны, приблизившейся вплотную к Олегу, играли дьявольским огнем. – Вот смотрите.

Она запустила руку за полочку своей форменной блузки и медленно вытащила оттуда золотую авторучку.

– Вы можете сегодня пользоваться моим самым сокровенным. Я ее не доверяю никому. – Ронна протянула ручку Шергину.

– Но она же сухая, не работает… Мне понадобится…

– Чернила есть у любой сотрудницы библиотеки. Вы пока ищите, что вам надо, в шкафах, а потом мы продолжим там… на столе.

Олег нервно сглотнул. Первые минуты он бессмысленно смотрел на стеллажи. Потом наконец стал один за другим снимать с полок тома с номерами, соответствующими номерам на карточках. На столе выросла гора из тяжелых томов, на страницах которых хранились данные из карточек.

– А ты ненасытный, – раздался голос Ронны – Вот чернила. Ты хочешь сначала пописать, а потом отдохнуть?

– Я хочу растянуть приятные моменты, – медленно произнес Олег.

– Ну, давай, я буду рядом… помогать тебе… – Ловкие пальчики Ронны расстегнули на блузке верхнюю пуговицу.

Олег изо всех сил стал вглядываться в вереницы цифр и описаний в книгах дешифратора. Заскрипело перо.

– Ты управляешься с моим пером неловко, как новичок, – сообщила Ронна, неотрывно глядя на Олега. – Неужели ты такой неопытный?

– У нас на Земле я чаще работаю с клавиатурой. Я к ней больше привык.

– К клавиатуре? По-моему, лучше уделять внимание одной изящной ручке, чем куче грубых деревянных клавиш.

– У нас клавиатуры очень изящные… И там главное – умение работать сразу всеми пальцами.

– Сразу всеми пальцами? – хохотнула Ронна. – А ты шалун.

– Я специально обучался этому…

– Ну, ты пока пиши, потом посмотрим, как у тебя получатся всеми пальцами… И не отвлекайся, а то я уже вся мокрая…

– Не вся, просто чернильница опрокинулась…

Ронна посмотрела на свою руку и ничуть не смутилась.

– Это, видимо, судьба. – Девушка быстрым движением расстегнула все пуговицы на блузке и вытерла чернила об обнаженную грудь. – Я же человек библиотеки, чернильная душа. Ты пиши, пиши…

Почерк у Олега стал неразборчивым, тяжело вздыхая и стараясь не глядеть на Ронну, он с нечеловеческим напряжением закончил работу.

– Ты уже кончил? – тихо, но строго спросила Ронна. – Писать?

Он не успел ответить, а Ронна плавным движением с грохотом сбросила на пол все тома.

– Осторожно, девушки-каталожницы услышат, – прошептал Олег.

– Пусть слышат. Я их раньше, чем мне захочется, сюда не пущу. Они уже полчаса ждут, глупые клавиши… – Она мягко, но уверенно завалила Олега на зеленое сукно стола.

Тут в дверь постучали. Сначала робко, потом все настойчивее.

– Госпожа старшая каталогизаторша! Вас срочно вызывают к директору!

– Ах, сволочи… – прошипела Ронна.

Глава пятая

Москва

Год назад у меня все шло как-то не так, наперекосяк. Идея с аспирантурой оказалась, конечно, бредовой. В институте археологии мне сразу же сказали, что, хотя нет никакого формального запрета поступать в аспирантуру не по специальности диплома, экзамен по профилю я никогда не сдам. Если честно, я был абсолютно уверен, что после физфака подготовиться к экзамену по какой-то археологии смогу без особых проблем. И честно говоря, я неплохо был подготовлен, но как наехали на меня эти археологи… Не знаю, насколько я правильно отвечал на вопросы, учебники я честно перепахал, но вот когда они прочли тему моего реферата «Свидетельства палеоконтакта на территории России», то мне стало ясно, что из меня сейчас сделают мыло. И сделали. В общем, ученый секретарь, бритый налысо толстый человек в мятом пиджаке, подозвал меня после экзамена, когда я под дверью ждал результатов, и сообщил:

– Уважаемый Олег, мнэ-э-э… – он глянул в ведомость, – Шергин. Вы, конечно, произвели очень хорошее впечатление на членов комиссии. Идея заниматься

научными исследованиями человеку с мнэ-э-э… альтернативным образованием очень интересная. И готовились вы тщательно, ни у кого сомнений не возникло. Но вот ваш реферат… Извините, это… У нас даже лаборанты понимают, насколько эта идея… мнэ-э-э… ну, несостоятельная, что ли. Я думаю, вы бы были хорошим аспирантом, но вот полное отсутствие опыта говорит о том, что аспирантура вам никак не подходит.

– Ну, так возьмите меня просто на работу, – ухватился я за соломинку. – Я наберусь опыта!

– Вот с этим как раз все сложнее, – мрачно ответил секретарь. – На работу без специального образования мы вас не можем взять. Вы же не согласитесь работать… мнэ-э-э… уборщицей? Да и никто не позволит нанять уборщицей человека с высшим образованием. И московской регистрации у вас нет.

– С регистрацией нет проблем, бабушка мне квартиру оставила. Маленькую, но отдельную, – уже прекрасно понимая, что ничего мне не светит, возразил я. – И почему только уборщицей? После физфака многие работают программистами.

– Ну и зачем нам программист? – В голосе секретаря уже появилось раздражение. – В общем, сдавать остальные экзамены вам уже нет смысла.

Я попрощался и побрел по коридору на выход. Самое ужасное – это вернуться домой, выслушать утешения от родителей и потом все-таки идти по специальности в какой-нибудь НИИ твердого тела заниматься никому не нужной спектроскопией за мизерную, унизительную зарплату.

– Стойте… мн-э-э-э… Шергин! – раздался из-за спины голос секретаря. – А вы разбираетесь в компьютерных сетях?

– Естественно, – бодро соврал я.

– Нам нужен человек, который будет следить за нашей институтской сетью, интернетом…

– Системный администратор, что ли? – безразличным голосом спросил я, а у самого екнуло сердце, мне рассказывали, какие деньги зарабатывают

сисадмины в Москве, а тут еще и здесь, в археологическом институте.

– Да, только… – замялся ученый секретарь, – у нас зарплата такая, ну… академическая. Но у вас будет шанс освоиться, познакомиться с людьми, и через какое-то время можно будет возобновить вопрос об аспирантуре. Конечно, при условии, что вы к науке отнесетесь со всей серьезностью, не так, как сейчас. Тем более что для сотрудников поступление – это формальная процедура.

Так я стал сотрудником академического археологического института.

Естественно, работа в институте была не бей лежачего, но вот начало ее оказалось не таким простым. Предыдущий сисадмин, которого уволили за беспробудное пьянство и кражу спирта, выделенного для работы в поле, не оставил пароля к системе. И мне нужно было не просто поддерживать сеть, а заново ее устанавливать. Пришлось срочно изучать весь софт, сносить систему, ставить новую. Возможно, потому что я все сделал правильно и достаточно быстро, ко мне стали относиться хорошо. Но народ в институте оказался смурной, поговорить о палеоконтакте, о том, как могли пришельцы изменить наш мир, у меня получалось только с самыми молодыми сотрудниками… Теми, кому я ставил сеть на компьютерах. Вообще эти археологи оказались очень большими занудами, и хорошо, наверное, что я не поступил в аспирантуру.

Так началась моя жизнь в Москве. Постепенно стали появляться знакомые, однушка в Чертаново оказалась уютным убежищем. Старенький «жигуль», который подарили родители, пришелся как нельзя кстати.

Я много раз спрашивал сам себя, был ли тот случай, который так радикально поменял мою жизнь, простым совпадением, или все-таки человек, который к чему-то стремится, всегда обретает шанс.

Я ехал домой летним вечером, было еще совсем светло. Я срезал по новой дороге, проложенной на месте недавно снесенных хрущевок. И внезапно, именно внезапно, прямо перед моей машиной возник человек. Я вдавил педаль в пол так, что испугался, что пробью днище. Мужик кулем упал на капот, помял его, и хорошо еще, что кумполом не разнес лобовое стекло. Он, конечно, приложился крепко и сполз с машины на асфальт. Впрочем, пока я выскакивал из машины, он уже сидел, прислонившись к колесу моей «семерки». От него так разило спиртным, что стало понятно, почему он полез на дорогу там, где и

намека не было на переход. Мужик что-то бормотал о том, что все в порядке и все кругом сволочи. Вернее, нет, не кругом, а «там». Где – там, я не стал выяснять, а вызвал гаишников и «Скорую». Морда у мужика была в крови, и мне не хотелось отвечать за его жизнь. Вообще мужик похож был на бомжа или на туриста после похода в горы. Оборванный, в стоптанных грязных сапогах.

«Скорая» приехала раньше полиции, пострадавшего усадили в микроавтобус и стали мазать зеленкой, уколы какие-то делать. Мужик только мычал. Потом приехали гаишники, мельком глянули на него, разрешили его увезти в больницу и потом начали составлять с моих слов протокол. Сначала, конечно, попросили подуть в трубочку, проверили права и регистрацию. В итоге меня отпустили, но просили никуда не уезжать. Типа следствию я понадоблюсь. Полиция шустренько собрала свои манатки и уехала, их куда-то еще вызвали. Я уже собрался трогаться, но заметил у себя на капоте сумку. Сначала я решил, что ее оставили полицейские, но потом понял: это тот самый мужик забыл. Делать было нечего, я решил отдать сумку, когда меня вызовут для следствия. Ну или завтра в больницу позвоню. Забрал я ее с собой и даже из машины не вынимал, так и валялась в багажнике.

А через день прямо на работу позвонили из полиции. Не гаишники, а следователь по фамилии Копайко. Они, видимо, по фамилиям сотрудников подбирают. Копайко пригласил меня к себе на разговор, и мне пришлось отпрашиваться у начальства. Кстати, начальник мой был тот самый ученый секретарь. Он не преминул съязвить, что, наверное, это не ДТП было, а я столкнулся с летающей тарелкой.

Следователь оказался симпатичным парнем примерно моего возраста. Он совершенно нормально со мной разговаривал, расспрашивал об обстоятельствах происшествия. Почему-то два или три раза спросил, знаком ли я с потерпевшим. Потом добавил, что из больницы, куда был доставлен потерпевший, этот потерпевший в тот же вечер исчез. А так как я являюсь единственным человеком, заинтересованным в его исчезновении, то Копайко обязан все проверить. В общем, стало ясно, что он отрабатывает формальные процедуры, иначе бы вряд ли он мне рассказал все подробности. Следователь даже спросил, где я находился вечером после ДТП, объяснив мне, что алиби необходимо. А где я находился? Я весь вечер пытался починить фару на моем «жигуле», которую тот идиот вывалил. Копайко сказал, что еще со мной свяжется, когда все детали проверит, и так, между прочим, спросил, не видел ли я, с какой стороны дороги выскочил потерпевший. Я опять повторил, что не видел, потому что тот просто

выскочил перед машиной, словно с луны свалился. Он еще раз попрощался и пожелал всего хорошего.

В общем, никто больше меня по этому делу не беспокоил, но я на всякий случай спросил соседей, может, меня кто видел тогда вечером. Оказалось, что никто. Но, как всегда, не бывает безвыходных положений. Контора, снимавшая офис на первом этаже, снабдила входные двери камерой наблюдения, и ее обзор захватывал почти весь двор. Так что после недолгих переговоров у меня оказалась копия записи, где я спокойно ковыряюсь со своей машиной. Я решил не суетиться, если спросит следователь, то покажу.

А в понедельник я открыл багажник и увидел сумку того мужика. Я про нее совсем забыл. А ведь там могли оказаться документы. Я забрал сумку домой. Никаких документов не было. Были кроссовки, почему-то обгорелые. Ну, выглядели как обгорелые, рассыпались в труху. Поношенная грязная одежда. И книга. Толстенная такая, в кожаной обложке. Язык странный, скорее всего иврит или что-то похожее, я в этом не разбираюсь. Много текста и картинки-гравюры. Судя по всему, описание какого-то средневекового города. Книга была практически новая и, значит, никакой исторической ценности не представляла. Конечно, я позвонил следователю, потому что если бы обнаружилось, что я припрятал вещдоки, то мог бы огрести неприятности. Копайко звонку удивился и сказал, что приезжать к нему не надо, он сам ко мне сегодня вечером зайдет.

Следователя, оказалось, зовут Виктором. Он пришел ко мне домой, чтобы сообщить, что дело закрыто и в полиции мне делать нечего. И если бы я туда пришел, стал вещи показывать, опять бы завертелись формальные протоколы и прочая ерунда. В общем, стало понятно, что благодаря Виктору я от проблем с ДТП был избавлен. Я показал одежду того мужика, и Копайко предложил ее выбросить, чтобы заразы какой не подхватить. А про книжку он тоже сказал, что она слишком новая, чтобы быть ценной, хотя и бумага, и обложка странные. Ну, я предположил, что в Израиле могут какие-нибудь древние технологии печати для рекламы использовать. Копайко покачал головой, что, мол, это не иврит, там закорючки другие. Может, африкаанс какой-нибудь или, там, тамильский. И сказал, пусть книга будет мне компенсацией за вывороченную фару. Тут я вспомнил, что у меня алиби, и показал ролик с камеры наблюдения. Копайко удивился моей находчивости. Но поздно, дело уже закрыто. Я предложил по такому случаю выпить. Я вообще не пью, но почему бы и не отметить. У меня была бутылка хорошего коньяка.

– Только вы уж извините, у меня одинаковых бокалов нет, – пришлось мне признаться.

– Ну, во-первых, не надо мне выкать, мы с тобой практически ровесники, а во-вторых, я считаю, что главное, чтобы было, что налить в бокал, а не то, насколько они одинаковые, – улыбнулся Копайко.

В общем, мы обмыли завершение дела, потом знакомство, потом выяснили, что у Бутусова стихи лучше, чем у Кормильцева, не такие, конечно, складные, но образность сильнее. Потом я показал Виктору мою гордость – пулемет Дегтярева, который мог стрелять очередями строительными патронами. Когда я притащил пулемет из кладовки, Копайко сначала помрачнел, но я показал чек из магазина «Парабеллум» и успокоил его.

– Я не понимаю, ты же в армии служил, – поморщился Виктор, – а все тянет на военные игрушки? Я вот в пограничных служил, настрелялся на всю жизнь.

– Я люблю оружие не для пострелять, а как произведение искусства, – не согласился я. – Тем более что стрелять из этого ПД и не собираюсь. Вернее, он переделан под строительный патрон, так что стреляй, не стреляй – ничего, кроме грохота, не будет.

– Я вообще не очень понимаю такого увлечения, тем более у тебя такая работа, археология! Вот где тайны мира!

Пришлось мне ему объяснить, кем я работаю в том институте и почему я там оказался. Копайко никак не ожидал такой истории. Я ему рассказал о теории палеоконтакта, о Чарльзе Гой Форте, о Казанцеве, о фон Денникене, ну и о том, как всеми силами стараются этот вопрос обойти современные ученые. Виктор, оказывается, вообще никогда не слышал о таких вещах. Нет, конечно, он видел по телевизору фигуры из Наски, знал о скульптурах на острове Пасхи, но как-то совершенно не связывал это с инопланетянами или с предтечами. Под коньячок Виктору идея очень понравилась. Я ему даже записал старый фильм «Назад в будущее». На ту же флешку, где было видео с камеры наблюдения. Он обещал посмотреть и вернуть на днях. Потом мы допили коньяк, я ему показал, как починил фару, и мы попрощались. В общем, у меня появился хороший новый приятель.

* * *

Копайко неожиданно пришел ко мне через несколько дней. Он даже не позвонил заранее. Сказал, что принес флешку. И еще принес пива. Под яичницу оно было как раз. Но Виктор был какой-то нервный, словно на работе неприятности. Я так и спросил:

– Что, небось у тебя там кровавое убийство и горы трупов?

– Не совсем. Ерунда какая-то. – Он поставил пустую кружку на стол и взял в руки кусочек хлеба. – Обворовали наш отдел.

– Э… полицию обворовали? – Я чуть не рассмеялся.

– Украли несколько дел. В том числе и твое. Я его не успел в архив сдать. Причем я не сомневаюсь, что искали именно его.

– Почему это?

– Вот посмотри, – протянул мне мою флешку Копайко. – Я там два ролика дописал.

Пока я включал компьютер, Виктор рассказал:

– Твой ролик, ну, с твоим алиби, натолкнул меня на одну мысль. Ведь и в больнице, откуда подследственный убежал, есть камеры наблюдения, и на шоссе рядом с местом происшествия камеры наверняка есть. Конечно, в серьезных делах мы в первую очередь снимаем данные с ближайших камер, но тут дело было настолько ерундовое и никому не нужное, что… А я решил все-таки проверить все до конца, хоть и дело закончено.

– Ты мне не веришь? – В груди стало нехорошо.

– Да нет, успокойся, я все думал – как этот тип исчез из больницы. Скорее из любопытства. Давай включай, – кивнул на флешку Виктор. – Ролик «Бол-1».

На экране появился длинный больничный коридор, зеленые крашеные стены выглядели мрачно. Сначала там никого не было, потом из палаты слева в коридор вышел человек. Он осторожно осмотрелся, поколебавшись, открыл дверь напротив и вошел в другое помещение. Через секунду он вернулся, держа в руке флакон – медицинский, с притертой пробкой.

– Это он в перевязочной спирт украл, – объяснил Виктор. – Я выяснил. Теперь смотри внимательно.

Человек открыл флакон, выпил содержимое, скривил страшную рожу, и его передернуло.

– Алкаш? – вставил я, но Виктор остановил меня, чтобы я не отвлекался.

Человек постоял секунду неподвижно. И исчез. Словно в записи пропустили несколько кадров.

– Это что? Монтаж? – понимая, что это никакой не монтаж, спросил я.

– Пусти второй ролик, – не стал ничего объяснять Копайко. – Тот «ДПС2».

Это был ролик с полицейской камеры, которая следит за дорогой. Я узнал это место. Практически там, где я сбил этого типа. А вот и моя машина показалась. А потом прямо перед капотом из ниоткуда появился человек. Как я успел затормозить, непонятно.

– Ну и что ты обо всем этом теперь скажешь? – тихо спросил Копайко. – Что это?

– Я не знаю, что это. – Я говорил медленно, боясь произнести то, что у меня вертелось на языке. – Но то, что книга та не на иврите, это теперь понятно.

– Я не сомневаюсь, что нас обокрали именно для того, чтобы получить твое дело. А скорее всего твой адрес они хотели узнать, – добавил Виктор. – Поэтому у меня к тебе большая просьба…

Виктор понизил голос, словно нас могли подслушивать.

– У тебя нет настоящего оружия? Или хотя бы травмата стоящего? «Макарыча», например.

– Нет, зачем мне нужно?

– Тогда так. Сиди дома, сильно не высовывайся пару дней, я тебе оформлю разрешение. Завтра сможешь медсправку сделать? Тебе надо хоть как-то подстраховаться. В армии ты служил, стрелять, надеюсь, умеешь, – совершенно неожиданно для меня сообщил Виктор.

– Справку?

– Ну, чтобы травмат получить, нужна справка. Там всего-то надо твое присутствие. Я дам тебе адрес и к кому обратиться. – Копайко словно уговаривал меня, хотя я и сам прекрасно понимал, что защита нужна.

В общем, он рассказал мне, к кому и в какую клинику надо пойти, чтобы сделали справку быстро и без вопросов, и попросил завтра сразу же после работы – домой. Чтобы в темное время суток на улицу не выходить и двери никому не открывать.

Утром в институте я пошел к ученому секретарю, чтобы отпроситься для похода в поликлинику, и заодно отксерил несколько страниц из этой самой книги. Дело в том, что Виктор Иванович Анисимов был специалистом как раз по Ближнему Востоку, он постоянно ездил на раскопки в Иерусалим и знал, наверное, все о дохристианской эпохе. Я подумал, что он сразу поймет, что это за язык.

Анисимов без всяких разговоров разрешил отлучиться. А вот с копиями страничек из книги получилось опять неудачно.

– Ты опять со своим палеоконтактом? – фыркнул Виктор Иванович, как только взял листок в руки. – Сколько можно говорить, не верь всяким подделкам и фейкам, как вы, молодежь, говорите.

– Почему подделки? – уныло спросил я. – Это настоящая книга, она у меня есть.

– Вот если настоящая есть, то ее принеси! Я подобных копий древних манускриптов знаешь сколько насмотрелся? Мне уже раз двадцать всякие народознавцы приносили подобное. Но нет такого алфавита, и такого языка на Земле нет!

– Я и говорю, это не на Земле, – подхватил я его идею.

– Шергин, – Виктор Иванович посмотрел на меня усталым, полным отеческого участия взглядом, – иди в больницу свою, да?

Было ясно, что разговор окончен. Ничего, подумал я, посмотрим, что он запоет, когда я всю книгу принесу.

Справку мне сделали практически моментально, я перезвонил Виктору и поехал домой.

Глава шестая

Побег

Солнце еще не перевалило через зенит, а Шергин, тепло попрощавшись с сотрудницами библиотеки, под печальный вздох Ронны отправился к резиденции ректора, чтобы выяснить судьбу профессора. Но, к своему удивлению, он нашел Батрида беззаботно сидящим на скамейке недалеко от входа. Батрид кормил крошками птиц, похожих на земных ворон.

– Удивительно умные пернатые, всегда получаю удовольствие, когда общаюсь с ними, – бодро сообщил Лано, поднимаясь навстречу. – Давно тебя жду. Я так думаю, ты был в библиотеке?

– Да, там… Я старался как можно быстрее разобраться, но у них нерабочий день и…

– Я понимаю, библиотека место не простое и требует в экстренных случаях большой самоотдачи, – прищурившись, глянул на Олега Батрид. – У тебя

рубашка не на ту пуговицу застегнута… Перестегни правильно.

– А почему вы здесь, ведь следователь говорил… – Шергин торопливо поправил одежду.

– Да что ты, Олег, брось. Я сорок лет проработал здесь. Ты думаешь, меня волнуют эти…

– Вас оправдали? – обрадовался Шергин.

– Нет, уволили, – просто сказал Лано.

– То есть?..

– Просто. С лишением званий, без сохранения пенсии и научного стажа. – Только тут Олег понял, что оптимизм его руководителя напускной. В глазах у Батрида была боль, которую он умело скрывал. – Хорошо хоть не приговорили к чему-нибудь гораздо худшему. У нас законы строгие. Или уволить, или казнить. Академические традиции. Так как, удалось тебе выписать все данные по карточкам?

– Да, вот. – Олег протянул Лано тетрадку с записями. – По каждой карточке выписал.

– Несладко тебе пришлось. – Профессор вглядывался в неровный почерк, а то и просто местами размазанные чернильные каракули Шергина. – Но что поделать, молодость должна быть жертвенной.

Профессор увлеченно листал страницы, время от времени удивленно хмыкая. Шергин все это время почтительно молчал, сидя рядом на лавочке.

– Что я могу обо всем этом сказать… – Батрид закрыл тетрадку. – Похищен совершенно бессмысленный набор предметов. Какой смысл было тащить из хранилища какой-то картуш, когда рядом лежит килограмм золота? Я просто помню, где лежит это золото. Набор воистину безумный, я даже не могу понять, что пропало, названия мне ничего не говорят. Все это в свое время расценили как бесполезные элементы, не имеющие практического применения. Однако!

Он поднял указательный палец.

– Я должен собрать это все вместе, чтобы понять суть случившегося. Я объеду все континуумы, я найду поставщиков и контрабандистов хоть из самого ада, но соберу все! И тогда я смогу понять, кто или что стоит за вчерашним ограблением.

– Лано, вы не рассчитываете на мою помощь? – осторожно поинтересовался Шергин.

– Я на нее надеюсь, однако это полностью будет твое решение. Работу над диссертацией ты прекрасно можешь продолжить и без меня, с новым руководителем, которого тебе выделит Ректорат. Я уже похлопотал. Тебе достаточно, чтобы твоя… э… ну, те, кто тебя направил в аспирантуру, написали новые обращения, приложили предыдущую переписку, и ты сможешь возобновить свою научную работу.

– Лано… – Олег встал. – Я буду премного… кхм… вам благодарен, если вы разрешите помогать вам. Я просто обязан вам помочь. Вернее…

– Кому ты обязан, о чем ты?

– Я обязан себе, – кратко ответил Шергин. – Я хочу продолжить именно то дело, которое начал, и если события развиваются так, как они развиваются, я не хочу менять… У нас говорят, коней на переправе не меняют. Я хочу работать именно с вами.

– Ну, тогда… – Батрид сделал паузу. – Я прошу тебя мне помочь. Хоть я не конь.

– Мы… Нет, это же идиома!

– Мы сейчас поедем в Депозитарий, возьмем все необходимое и отправимся на поиски пропажи. – Батрид, словно и не было всех событий предыдущего дня, говорил спокойно и уверенно. – Вернее, на поиски точно таких же вещей, что и украли. Ты готов к долгой дороге? Возможно, нам придется обойти весь Центрум, и только тогда…

– Ну, не весь, я же читал, в каких континуумах были обретены пропавшие предметы.

– Вы наблюдательны, молодой человек. В общем, вперед! Где наши ослы? – решительно произнес профессор.

Тут Олег смутился.

– Я не подумал… В общем, я приехал сам и не прихватил осла для вас. Извините.

– Вычту из стипендии, – уже весело сказал Батрид и скрылся за воротами, куда служка уводил животных.

Через пять минут он вернулся, ведя двух ослов под седлами.

– Очень полезно дружить с господином смотрителем ректорской конюшни, – назидательно сказал профессор и легко взобрался в седло. – А у тебя что-то вещмешок несуразно большой. И зачем ты его сюда тащил, ума не приложу.

– Да так, на всякий случай, – ответил Олег, пристраивая мешок ослу на круп.

– Ты все-таки по-своему предусмотрителен, – улыбнулся Батрид. – Ну, поехали!

Профессор хоть и бодрился, но было заметно, что он подавлен. Вчерашнее ограбление, гибель сотрудников, сегодняшнее увольнение – все это могло повергнуть в уныние любого, но Лано только стал сдержаннее, во взгляде у него появилась жесткость, как у человека, сосредоточенного на одной цели.

– Меня поражает, почему они украли такой бессмысленный набор вещей. – Ослики шли рядом, и седоки могли спокойно разговаривать друг с другом. – Я не представляю, зачем ради очевидно бесполезных предметов кто-то пошел на такое страшное преступление.

– Я даже ничего и предположить не могу, – ответил Олег. – Одно могу сказать – ни один из этих предметов не уходил в третьи миры. Их словно специально сюда доставляли в течение сотен лет. То есть у вас нет совершенно никаких подозрений о цели грабежа?

Батрид отрицательно покачал головой.

В полном молчании проехали городские ворота, и скоро уже двигались по лесу, полному звуков. Щебетали птицы, гудели насекомые, легкий ветерок шумел в деревьях. Один раз Олег даже заметил, как между стволов промелькнула мелкая рыжая зверушка. Мир, казалось, пребывал в спокойствии и радовался этой возможности.

Но этот почти идиллический покой был внезапно нарушен. Дорогу заступили два всадника, как будто они давно поджидали в засаде. Олег узнал их сразу. Те же темные балахоны и шаровары, те же черные платки, скрывающие лица. Всадники, увидев Шергина и Батрида, спешились и, отпустив поводья, медленно пошли навстречу.

– Подойдите ближе, – приказал один из них таким тоном, что было ясно – промедления он не потерпит. – Ослов оставить!

– Сидите. – Олег нервным шепотом остановил Лано, который собрался сойти с ослика. – Я сам с ним поговорю.

– Кто приказывает? – громко спросил он, легко спешившись.

– Не твое дело, – грубо ответил второй из темных всадников. – Руки подними и подойди ближе.

Бандиты, или кем они были, стояли, положив руки на эфесы сабель, готовые выхватить их моментально. И еще было понятно, что они уверены в себе и ничего не боятся.

Шергин поднял руки и двинулся навстречу врагам. Когда до них оставалась пара метров, тот, что командовал, вышел вперед и вялой, полной превосходства походкой направился к Олегу. Не дожидаясь развязки, Шергин выхватил пистолет и выстрелил, целясь прямо в лоб. Выстрел бахнул в тишине неожиданно. Голова бандита дернулась, и он упал на спину. По его лбу расползалось гадкое черное пятно. Олег удивленно глянул на свой пистолет и, понимая, что промедление невозможно, ринулся прямо на бандита. Удар рукояткой по голове сделал то, что не смогла сделать резиновая пуля. Шергин

еле успел вытащить клинок из ножен врага и защититься от резкого удара саблей второго, пришедшего на помощь товарищу. Олег неумело огрызался на выпады, сам не понимая, как он только успевает парировать. Но через несколько мгновений ситуация поменялась. Из глухой обороны Шергин перешел в атаку. Сначала робко, но с каждым разом его выпады становились все точнее и опаснее. И в тот момент, когда Олег уже почувствовал, что он вот-вот получит полное преимущество над врагом, соперник вдруг выронил саблю и грузно опустился на землю. Батрид не смог оставаться праздным наблюдателем и запустил камнем прямо в висок врагу.

– Ты не сильно возражаешь, что я вмешался в ход событий? – спокойно спросил Лано. – Мне показалось, что вы там будете до бесконечности махать своими кинжалами. А булыжник – это главное оружие профессуры!

Олег тем временем изумленно смотрел по сторонам, пытаясь понять, почему же его не порубили в капусту в первые секунды схватки. Клинок он все еще держал в руке. Из прострации его вывел вопрос Батрида.

– Олег, ты этим странным пистолетом хотел меня отстаивать на допросе? Что за патроны?

Олег подобрал с земли брошенное оружие.

– Это травматический. Он стреляет резиновыми пулями. А они тут, того, испортились.

– Даже если предположить, что пули из синтетического материала за два дня… что-то слишком быстро, – поморщился Батрид.

– Ну, пластик всякий бывает, – отвел глаза Шергин. – Но зато сработало!

– Только в следующий раз не экспериментируй так. Но вот что здорово – это видеть, как ты за время драки успел овладеть клинком. Все-таки переход – величайший стимулятор знаний и навыков. Или, может, ты занимался фехтованием у себя, на Земле? – спросил он у Шергина после короткой паузы.

– Нет, только обычный земной баскетбол, – ответил Олег. Он посмотрел на саблю и без особого сожаления отбросил ее в сторону. – Поехали, а то мы так и дотемна не доберемся.

– Я думал, ты только с огнестрельным оружием можешь. – Батрид аккуратно объехал поверженных врагов. – Я же видел, как у тебя рука тянулась… Тогда, на допросе, в машинном зале. А оно вот как, оказывается. Теперь с тобой не страшно будет ездить по незнакомым местам.

– Да у вас, я замечу, – бросил Олег, уже окончательно придя в себя, – и по знакомым опасно ездить. Всегда у вас такая веселая жизнь?

– Не сказал бы, – покачал головой Лано. – Стой!

Профессор натянул поводья. Шергин ясно слышал грохот копыт приближающихся со стороны Депозитария всадников.

– Быстро в лес! – скомандовал Батрид.

Он соскочил с осла и, не оборачиваясь на аспиранта, ринулся в лесные заросли, подобрав балахон. Шергин прихватил свой груз и последовал за ним. Через сотню метров, когда было ясно, что Лано уже начинает задыхаться, они остановились.

– Прячься. – Лано потянул Олега за громадное корневище поваленного дерева.

– Почему нам надо было убегать? – шепотом спросил Шергин, когда профессор отдышался и смог ответить. – Это могли быть простые люди.

– В Депозитарии коней нет, все пользуются ослами из соображений экономии и компактности. Ты видел наши улочки. Вчера приезжала комиссия, и даже если она вернулась сегодня утром, я глубоко сомневаюсь, что они будут галопом нестись обратно. Это они, я уверен. А курьеры табунами не ездят.

– И что теперь? Ночуем в лесу? – недовольно спросил Шергин.

– Придется. Согласись, в городе нас бы никто не тронул, но эти люди, судя по недавней стычке, охотятся за нами. Видимо, твой визит в библиотеку не прошел незамеченным. Отсюда какой вывод?

– Какой? – Олег покраснел, решив, что он нарушил какие-то традиции Лореи.

– Вывод простой. То, что мы знаем, какие предметы похитили, подписало нам смертный приговор. Но пока у них не получилось привести его в исполнение. Спасибо твоему земному баскетболу и моему камню. Короче, нам нужно составить маршрут и отправиться в путь как можно скорее. Промедление смерти подобно!

– Periculum in mora[2 - Periculum in mora (лат.) – промедление смерти подобно.], – отозвался Шергин.

– Что ты сказал?

– Да ничего, не такие у нас миры лингвистически поливариантные, – ответил Олег. – Скажите, у них есть даже нечто вроде униформы, похоже, это какая-то серьезная организация, вы с такой не встречались?

– Если и организация, то точно не местная, точно… – Профессор задумался. – Нет, конечно, не встречался. Ты не боишься ночевать в лесу?

– Да нет, сколько раз приходилось, – ответил Олег и добавил: – На Земле…

– А у меня нет такого опыта, так что я, наверное, боюсь и надеюсь на твою помощь.

– Ну, для начала я бы ушел подальше в лес, вдруг они начнут его прочесывать? – Шергин встал. – Ничего страшного в лесу нет и быть не может. Я читал, что у вас практически нет крупных хищников и ядовитых змей.

– Через час стемнеет, вряд ли они пойдут за нами сейчас. С другой стороны, никто не знает, в какую сторону от дороги мы пошли. А в-третьих, увидев своих бездыханных товарищей, они побоятся разделиться на две группы, чтобы прочесывать лес и слева, и справа от дороги. Но идея уйти подальше

правильная. Нам же придется развести костер. А его могут и увидеть, и учуять.

Олег с Лано стали продираться через нехоженый густой лес. Шли они примерно полчаса, к этому времени начали сгущаться сумерки, еще более стремительные в лесной чаще.

– Вот самое лучшее место для ночлега. – Батрид остановился на идеально круглой полянке. – Здесь рядом должен быть родник.

– Почему?

– Все просто. Видишь, на краю поляны кружат зужи? Они всегда рядом с родниками роятся, – объяснил профессор.

– Зужи. – Олег всматривался туда, куда показал Лано. – А! Это же strekosy.

– Стрекозы… Это ваше слово. У нас они зужи. Значит, там вода. Но надо поспешить, ведь ночи-то прохладные, и без костра и шалаша нам несладко придется.

Шергин, ничего не говоря, начал распаковывать свой вещмешок. И тут профессору пришлось удивиться. Сначала появился небольшой сверток, который, после того как Олег дернул за связывающий его шнурок, развернулся в большой надувной матрас. Потом последовали несколько пакетов, назначение которых было Батриду непонятно.

– Это сублимированная пища, добавить немного воды, и получится неплохой ужин, – объяснил Шергин. – Нужно ее съесть, потому что пластик долго не выдержит, вот уже скользкий стал. Да и матрас, я думаю, не очень долго продержится. Хватило бы на ночь. Хотя у него и специальное покрытие.

Потом Олег достал большой нож, в рукоятке которого оказалась струнная пила.

– А ты всегда с таким полезным набором путешествуешь? – спросил Лано, внимательно глядя в глаза аспиранту, когда они стали пилить тоненькое дерево, похожее на земную березу. – Всегда с собой носишь?

– Нет, конечно. Я подумал, что мне придется освободить вас из тюрьмы и потом уже тайно пробираться в безопасное место. Вот и запасся на всякий случай.

– Понятно, твой баскетбол, возможно, и помог бы нам справиться с инспекторской гвардией, мало ли какие там у тебя трюки в запасе. Но откуда ты взял все эти вещи? Твой багаж, как мне помнится, был не столь объемный… – Лано помрачнел.

– Да я ведь, когда прибыл, оставил основной груз на хранение в таверне… кхе… в Ректорате. Не таскать же все туда-сюда, – быстро объяснил Олег. – Вы что, в чем-то сомневаетесь?

– Ну, вы крайне предусмотрительны, на удивление предусмотрительны, – сказал Лано, непонятно почему употребив «вы». То ли назвал так Олега, то ли тех, кто собирал его в переход между мирами. – А ты что, заранее готовился ночевать в лесу?

– Лано, – у Олега голос стал напряженным, – я был совершенно уверен, что, когда я вызволю вас из тюрьмы, нам придется бежать подальше от Ректората.

– Ты удивительно дальновиден для аспиранта второго дня обучения. Но ладно, я могу пока только поблагодарить тебя за такую предусмотрительность. – Батрид помолчал секунду и решился спросить еще: – То есть ты еще когда с Земли отправлялся… э-э… знал, что все так произойдет?

Олег заранее продумал ответ на этот вопрос и был к нему готов.

– Нет, профессор, что вы! Откуда я мог знать? Я взял это все с Земли по той простой причине, что нас предупредили, что транспорта от Ректората до Депозитария нет и мне предстоит самостоятельный длительный переход. Вот и все. Обычный запас земного туриста. Студента-туриста. Вы же видите, что все рассчитано на одного человека. Ну а по прибытии выяснилось, что до вас три часа ходу, вот я и оставил багаж.

Деревце под напором пилы не устояло и рухнуло на землю. Олег начал обрубать ножом ветки для костра. Лано собрал их и стал складывать пирамидкой.

– А вот это на всякий случай. – Олег продемонстрировал металлический тюбик. – Таблетки для очистки воды.

– Наша родниковая, – хмуро заметил Лано, – не только чиста, но и целебна!

– Я не уверен, что она так же подействует на меня, человека с Земли, – категорично возразил Шергин. – Здешняя микрофлора может оказаться для меня неполезной.

– Возможно, ты и прав. – Батрид чиркнул спичкой, дождался, когда разгорятся тоненькие веточки, и строго сказал: – Но мне ничего в воду добавлять не надо.

Через пятнадцать минут на костре уже кипел небольшой котелок с ароматным супом. Слегка закопченный котелок тоже нашелся в необъятном мешке.

* * *

– Чай земной сильно отличается от нашего. – Подобревший Лано пробовал напиток, который приготовил Шергин, и причмокивал языком. – Намного более тонкий аромат. А вот сахар ваш, извините, полная бурда. Словно какой-то химический порошок. Никаких оттенков.

– Ну, мы привыкли, – не стал возражать Олег.

– Ладно, пора составить план действий на завтра. Дай твою тетрадочку. – Батрид принял тетрадь у Олега и наклонился к огню. – Тебе надо или исправить почерк, или же не так сильно отвлекаться за работой.

Он на некоторое время замолчал, рассматривая странички, только время от времени шевелил губами, словно что-то говорил сам себе.

– Яйцо дракона, первая половина! – воскликнул профессор. – Более бредового товара я не видел. Причем смотри, это была контрабанда! Доставлена в Клондал с Трира. Откуда на Трире драконы? Вообще откуда драконы? Нет их нигде. Бред какой-то.

– Скажите, Лано, я не очень понимаю. Контрабандный товар в хранилище?

– Все просто. Контрабанда если конфискуется, то образец передается в хранилище, а остальной товар уничтожается. Если это уникальный товар в одном экземпляре, то тем более он должен попасть к нам. Ну а если предметы доставлены официально, то перевозчики обязаны передавать образец для Лореи. Для депозита описания и каталогизации. Так что у нас есть шанс некоторые найти.

– А остальные, те, которые контрабандные?

– Здесь придется повозиться. Нужно разговаривать с контрабандистами. Может быть, что-то получится. – Лано захлопнул тетрадку с таким видом, как будто он полностью удовлетворен прочитанным. – Иначе мы будем искать краденое до конца своих дней.

Их разговор прервало громкое шуршание в лесу. Совершенно не таясь, на поляну в круг света, отбрасываемого костром, вышло странное существо.

На первый взгляд можно было сказать, что это обезьяна, вернее, большая кукольная обезьяна. Зверь двигался на двух ногах. Ноги, широкие и мохнатые, мягко ступали по траве. Передние лапы он держал за спиной, словно что-то прятал. Свой длинный хвост он закинул за локоть. Глаза, круглые и внимательные, смотрели на людей дружелюбно. Морда, даже скорее не морда, а удлиненное рыло, оканчивалась влажным черным носом. Нос был повернут в сторону еды.

– Вот только этого нам не хватало! – возмущенно воскликнул Батрид. – Он же сейчас все украдет!

– Это что, то есть кто? – осторожно спросил Олег, не спуская глаз с визитера.

– Да мартыш это. Обычный мартыш. Они же до еды охочие. Кыш отсюда! – замахал руками профессор. – Правда, я их раньше только издалека видел.

Мартыш потоптался на месте, а потом уверенно подошел к Батриду, обнял его одной рукой за ногу, второй взял за ладонь. Лано страдальчески уставился в

небо. Но прогнать мартыша у него сил не было.

– Говорят, ну, некоторые исследователи говорят, что они разумные, – произнес профессор. – Но ведь какой наглец, знает, что я его не обижу. Физически.

Мартыш, казалось, внимательно выслушал Лано и, отпустив его ногу, потащил за руку к костру, где в котелке еще оставался суп.

– Еда. Вода, – вдруг произнес он.

От неожиданности Олег вздрогнул. Что-что, а услышать человеческую речь от зверя было крайне странно. Тем более что этот голос он уже слышал.

– Да, не удивляйся, они могут разговаривать. Много раз об этом слышал, но вот впервые вижу, то есть слышу. Конечно же, это не настоящая речь. Вот ваш земной попугай, наверное, так же говорит.

– У вас в хранилище есть попугаи? – улыбнулся Шергин.

– У нас в хранилище есть подробное описание попугаев, – строго ответил профессор, не желая переводить разговор в шутку.

– Наши попугаи просто повторяют звуки, которые выучили, не более.

– Ну а эти, может быть, умнее птицы, ассоциируют звуки с предметами. – Батрид покорно пошел с говорящей обезьянкой к костру.

Несмотря на свою нелюбовь к мартышам, он налил гостю миску супа и поставил перед ним в траву. Зверек устроился на корточках возле миски и вопросительно уставился на Лано.

– Что тебе еще? – возмутился Батрид.

Мартыш молчал и настойчиво смотрел на профессора.

– Он ложку, может, просит? – догадался Олег.

– Ложка. Еда, – немедленно отозвался визитер своим ворчливым голосом.

Батрид вздохнул и протянул обезьянке свою ложку, выбрав ее из кучи грязной посуды. Мартыш внимательно осмотрел ложку, потом поднялся и направился в сторону источника. Там он некоторое время сопел и плескал водой.

– Ты посмотри, какой чистюля нашелся, – неодобрительно пробурчал Батрид.

Мартыш вернулся. Тщательно вытер ложку о брюки оторопевшего Олега и стал с удовольствием хлебать суп.

– Я понимаю, почему их так не любят. Такая бесцеремонность, – возмутился Лано. – Но давай, пока наш гость увлечен ужином, все-таки определимся на завтра. Я думаю, нам придется отправиться в Клондал. Там, я надеюсь, с помощью моих знакомых удастся связаться с контрабандистами, и мы… Ну, я надеюсь, конечно, сможем максимально подробно узнать все об этом самом драконьем яйце. Я, честно говоря, не представляю, что это такое.

– Но… – замялся Олег. – Боюсь, что большинство моего снаряжения завтра уже превратится в труху. Доля пластика в земных вещах излишне велика.

– Конечно, нам надо по пути остановиться в каком-нибудь городе или хотя бы большом поселке. Правда, что-то мне подсказывает, что нам пока опасно идти по дорогам. И скажи, Олег, у вас, на Земле, что, совсем упало качество производства? Почему вдруг все твои пластические массы разваливаются за два дня? Раньше было не так…

– Практически все производство сместилось в Китай, а там… – начал объяснять Олег.

– Люди, кони, город. Враги, – неожиданно отозвался мартыш.

– Это он о чем?

– Они умеют говорить только существительными, – объяснил Батрид.

– Город, какой? – переспросил он мартыша.

Тот в ответ только похлопал белыми ресницами и продолжил хлебать из миски. Олег догадался, как надо спросить мартыша.

– Город. Гора. Враг?

– Город. Гора. Враг, – отозвался тот.

– Я боюсь, нас ждут в Депозитарии те же люди, что и устроили нападение. Так что лучше мы направимся в Клондал, Через Синий Кряж это два дня пути. По дороге у нас будет маленький городок. Сколари. Даже не городок, а учебные лаборатории университета. Там можно добыть все, что нужно. Давай спать, Олег, но я думаю, надо по очереди? Место спальное одно.

– Не беспокойтесь, Лано. Вы пока спите, я у костра посижу, с мартышом побеседую. Кстати, судя по всему, именно он меня вчера предупредил о том, что на хранилище напали.

Профессора уговаривать не пришлось, он, прихватив надувной матрац, ушел в шалашик, который они соорудили недалеко от огня. Шергин, естественно, не собирался будить своего старшего коллегу, он нарубил в свете костра веток и устроил себе неподалеку лежанку, накрыв ее одеялом. А мартыш, словно того и ждал, пристроился у Олега за спиной. Зверек был теплый, почти горячий по земным меркам, и Шергин, сам того не замечая, моментально заснул.

Глава седьмая

Сколари

Утренняя роса накрыла полянку и Шергина, спящего у еле тлеющего костровища. Олег осмотрелся и обнаружил в стороне мартыша, который внимательно изучал содержимое вещмешка. Существо вынимало по очереди вещи и раскладывало их по трем разным кучкам. Надо сказать, что мартыш доставал не все подряд, а только мелкие предметы. Увидев, что Олег проснулся, мартыш прекратил исследования и сделал вид, что никакого интереса к багажу человека не проявлял и его действия имели совершенно случайный характер.

– Ну а имя у тебя есть? – решил поговорить со странным зверьком Олег.

Мартыш только пошлепал большими губами, всем видом показывая, что он ничего не понимает.

– Меня зовут Олег, – упростил вопрос Шергин. – А тебя зовут…

При этом он сначала хлопнул себя по груди, потом показал ладонью на мартыша. Реакции не последовало.

– Человек. Олег, – опять показал на себя Шергин, а потом на собеседника. – Мартыш…

– Человек. Олег, – повторило существо. – Мартыш. Друг.

– Нет, не так, – терпеливо продолжил аспирант. – Человек. Друг. Олег.

– Мартыш. Друг. Дуду.

– Дуду. Друг, – повторил Шергин.

– Дуду, – ответил мартыш, взял из самой маленькой кучки ложку и страховочную цепочку с карабинами и протянул их Олегу.

– Дуду. Лес, – не очень понятно сказал мартыш.

– Что же ты от меня хочешь? – сам себя спросил Олег. – Еда?

– Вода, – ответил Дуду.

Олег удивился, ведь воды было полно в роднике, но не стал возражать, а поднялся, сходил к роднику и набрал полную кружку холодной воды. Она, как было видно при дневном свете, и вправду была абсолютно прозрачной и пахла свежестью.

Дуду аккуратно, стараясь не касаться кружки губами, выпил. Потом опять взял в руки ложку и цепочку и, обернув цепочку вокруг шеи, попытался закрепить на ней карабином ложку.

– Эх, ты, обезьяна без кармана, – улыбнулся Олег. – Ну и вымогатель! Ложка. Цепочка.

– Ложка. Цепочка, – согласился мартыш.

Шергин зацепил одним карабином ложку за ручку в самом ее узком месте, а потом вторым карабином соединил цепочку в кольцо. Это самодельное украшение Дуду тотчас надел на шею и немедленно гордо огляделся, видимо, интересуясь произведенным эффектом.

– Ишь, ты. Модник какой! – засмеялся Олег.

Он порылся в вещмешке и нашел там шоколадку.

– Шоколад, – объяснил Олег, протягивая плитку мартышу.

– Шоколад, – опять согласился Дуду и с удовольствием принялся его грызть.

Шергин разжег костер и поставил кипятиться воду для утреннего кофе. Когда все было готово и над поляной повис густой аромат, он пошел к шалашу будить профессора. Пора было завтракать и отправляться в путь. А тот уже не спал и в сумраке шалаша в который раз изучал тетрадку с записями Олега.

– Да-да, у меня появились определенные мысли! – Батрид не дал Олегу даже слова сказать. – Мы определенно должны направиться в Клондал. И в первую очередь к пограничникам. Уж они-то все про контрабанду знают. И это нам сократит первый переход, не нужно будет опять ночевать в лесу. Давай не пойдем в Сколари, а напрямую на Кряж, на заставу. Мне не хочется затягивать нашу экспедицию.

Олег промолчал, ему не понравилась такая неожиданная смена плана. Не то чтобы ему было важно зайти в Сколари, но импульсивность профессора уже действовала ему на нервы.

Лано вылез из шалаша на четвереньках, поднялся и направился к костру, рядом с которым чуть пари?л котелок с кофе.

– А где наш гость? – поинтересовался профессор. – Убежал ночью?

– Да нет, тут был. Его, оказывается, Дуду зовут.

Но Дуду у костра не было. Там, где только что сидел мартыш, был выложен из вещей, вытащенных из вещмешка, аккуратный спиральный узор. Посередине его красовался крупный зеленый камень.

– Изумруд? – Олег повертел камень в руке. – Это же очень дорогой…

– Дай-ка, – попросил Лано.

Он достал из кармана лупу на веревочке и стал рассматривать камень со всех сторон.

– Нет. Не изумруд, он же мутный. Я думаю, это хризопраз… Очень хороший камень. Я так понимаю, подарок от нашего Дада?

– Дуду, – поправил Шергин.

– Ну да, мартыша. Жалко, что он ушел. Он хорошо ко мне отнесся. Они совсем не такие, как про них рассказывают. Жалко его, он теперь там, в лесу, один-одинешенек.

– Да ничего страшного, похоже, лес его дом родной. Он еще на прощание выпросил ложку на цепочке, ну и шоколадку сожрал.

– Вот тут ты не прав, Олег. Ведь Дуду небольшое создание, он съест шоколад, а это сильно возбуждающий продукт. А вдруг он перевозбудится? Надо думать в следующий раз, – незло отчитал Олега Батрид. – И вообще нам нечего рассиживаться, пора идти на Синий Кряж. Можем успеть быстрее, чем за световой день.

Шергин сложил вещи, разбросанные мартышом, обратно в мешок. Потом он вытащил из шалаша надувной матрац и убедился, что тот со стороны, которая лежала на земле, стал влажным и скользким. При первой попытке Олега выдернуть пробку и сдуть его матрац расползся на куски. Невидимые микробы, пожиратели пластика, сделали свое дело.

– Ничего, что-нибудь придумаем, – успокоил Лано. – Я надеюсь, он нам уже не понадобится.

Но на этом проблемы не кончились. Как оказалось, подошва у Олеговых кроссовок тоже стала липкой и скользкой. Понятно было, что обувь долго не протянет. Шергин расстроился, он был уверен, что надпись на подошве «натуральная резина» была правдивой. А когда через полчаса ходьбы Олег понял, что его брюки якобы из чистого хлопка прилипли к ногам, решено было все-таки остановиться в Сколари, как и собирались сначала. Олег про себя отметил, что спонтанность решений Батрида может когда-нибудь сильно испортить их поход.

– Сколари – уникальный городок. – Чтобы скрасить однообразный переход по лесу, Батрид захотел развлечь Олега беседой. – Много лет назад было решено, что для развития Лореи нам недостаточно местных учеников. С какого-то момента молодежь потеряла мотивацию. Наша молодежь. Куда проще окончить курсы каких-нибудь приказчиков и работать в секретариатах и в аппаратах администрации. А то и вообще уехать в другой континуум. Получить образование и устроиться там на непыльную, хорошо оплачиваемую работу. Наука как таковая перестала быть популярной.

– А вы вчера говорили, что вам кажется странным желание нашей молодежи не заниматься конкретным делом, – не преминул напомнить Шергин.

– Вот и решили у нас искать талантливых детей по всем мирам, – демонстративно не обратив внимания на слова Олега, продолжил Батрид. – И что удивительно, ведь таким образом мы не только нашу науку сохранили, но и добились невероятных успехов. Дети, которые учатся в Сколари, – особенные. Я думаю, ты это сразу заметишь.

– Вы похищаете детей? – Олег даже остановился от удивления. – Вы же говорили, что в университет поступают только местные.

– Ну что ты! Только добровольно. Ты знаешь, во всех мирах, а тем более у вас, на Земле, есть масса детей, не вписывающихся в социум, думающих нестандартно и нуждающихся в свободе мышления. Они с удовольствием идут к нам. И за годы обучения в Сколари становятся практически местными. И жилье они могут купить себе при поступлении в университет. Таковы начальные условия. Ну и конечно, всегда вольны вернуться домой. И на каникулы тоже. У нас есть специальные люди, перевозчики для тех детей, кто не способен сам переходить. Но они так быстро всему учатся, тем более после перехода. Вот что интересно, – Батрид вдруг перескочил на другую тему, – у меня вообще создается впечатление, что способность к переходам есть у каждого. И наверное, это не какое-то неведомое человеческое свойство, а способность вырабатывать некую субстанцию, открывающую этот переход. Но, к сожалению, мы пока ничего не знаем, никаких наработок в этом направлении сделать не удалось. Но вот, может… я надеюсь, когда-нибудь удастся.

– Мне кажется, что еще очень важно, чтобы эта способность проявилась, некий толчок, ну, вроде личного примера или… – поддержал идею Олег, но сразу осекся. – Ну, я думаю, что есть люди, которые могут научиться переходить с помощью опытных товарищей.

Лес, по которому шли Олег и Лано, постепенно из благородного векового бора превратился в чахлую и редкую поросль. Он скорее напоминал заброшенный городской парк, за которым много лет не ухаживали. Один раз пришлось сделать привал, передохнуть и подкрепиться. Правда, ничего, кроме чая с печеньем, уже не осталось. Все хитрые сублимированные продукты перемешались с гадкой кашицей разложившегося пластика. После привала вещмешок Олега сильно похудел. Отойдя в сторону, он выкинул массу испорченного багажа.

Лес закончился внезапно, словно его отрезали пилой. Просто в какой-то момент, раздвинув плотные кусты подлеска, Шергин и Батрид оказались на вымощенной желтым кирпичом дороге, окружающей маленький, словно сказочный городок. Небольшие домики, красная черепица и цветущие палисадники никак не вязались с монументальной роскошью Ректората или готическим аскетизмом Депозитария.

– Вот он, Сколари. Всегда настроение поднимается, когда здесь появляюсь. Недалеко отсюда живет мой хороший товарищ, мы учились вместе. Он сразу пошел учительствовать, тут и осел.

Лано, словно и не было долгого перехода, бодро зашагал по мостовой мимо игрушечных домиков.

– Ага, вот и жилище Тачира.

Путники остановились у особняка, закрытого высокими деревьями, посаженными вплотную к стенам.

Профессор подошел к деревянной двери и постучал колечком дверного молотка по бронзовой фигурке.

– Он большой любитель старины, даже такие вещи, – Лано показал на литую голову льва под кольцом, – у него только настоящие, не современные подделки.

Дверь открылась, на пороге показался громадный толстяк с пышными усами и бакенбардами, в домашнем атласном халате. Последовали возгласы, объятия, целования воздуха за ушами. Хозяин был искренне рад Батриду. Лано представил своего попутчика, Тачир обрадовался и ему. Гостиная в доме Тачира выглядела феерически. Она словно была хранилищем безумного коллекционера. До потолка вздымались полки, забитые фолиантами, на комодах, сервантах и узких столиках вдоль стен стояли статуэтки, абстрактные бронзовые изделия, устройства невероятной инженерии из шестеренок и противовесов, видимо, так никогда и не работавшие. Под потолком висели модели летательных аппаратов, в которых явно прослеживались инженерные находки Леонардо да Винчи. Олег как завороженный смотрел на этот хаос творческой мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Х и р о п т е р о ф и л и я – опыление растений летучими мышами.

2

Periculum in mora (лат.) – промедление смерти подобно.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergey-slyusarenko/sintez-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить